

Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

59/1 | 2018
varia

Dvorianskaia sobstvennost' v Rossii 1700-1762 gg.

Rodovaia struktura, dinamika, otsenka stabil'nosti razvitiia*

*La propriété foncière nobiliaire en Russie de 1700 à 1762 : structure patrimoniale,
dynamique, évolution*

*Noble landholding in Russia, 1700-1762: Patrimonial structure, dynamics,
evolution*

Sergei V. Chernikov

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/10247>

DOI : [10.4000/monderusse.10247](https://doi.org/10.4000/monderusse.10247)

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2018

Pagination : 37-92

ISBN : 978-2-7132-2745-5

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Sergei V. Chernikov, «Dvorianskaia sobstvennost' v Rossii 1700-1762 gg.», *Cahiers du monde russe* [Onлайн], 59/1 | 2018, Выложить онлайн 01 janvier 2020, Наводить справки в 06 janvier 2021. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/10247> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.10247>

SERGEI V. CHERNIKOV

DVORIANSKAIA SOBSTVENNOST'
V ROSSII 1700-1762 GG.
Rodovaia struktura, dinamika, otsenka
stabil'nosti razvitiia*

[La propriété foncière nobiliaire en Russie de 1700 à 1762 :
structure patrimoniale, dynamique, évolution]

Известный немецкий экономист и этнограф барон Август фон Гакстгаузен, после путешествия в 1843 г. по России, писал:

<...> не думаю, что существует какая-то крупная европейская страна, где стабильность собственности на землю была бы настолько низкой, как в России. <...> [Русский] дворянин не считает свое имение своим домом и у него нет ощущения общности с каким-то определенным регионом. Он избавится от наследства сразу, как только увидит в этом выгоду. <...> В Москве г-н С., умный человек с прекрасной репутацией, рассказывал мне, что он продал поместье, носившее его имя, и, что весьма редко бывает в России, принадлежавшее его роду на протяжении двухсот лет. Когда я упрекнул его за это, он ответил: «У нас нет такой привязанности к наследственной собственности, как в Западной Европе»¹.

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00001(а).

Выражаю свою признательность А.В. Белякову, А.Л. Грязнову, А.В. Сергееву, Д.А. Хитрову, П.В. Чеченкову, а также двум анонимным рецензентам за ценные предложения и замечания в ходе работы над текстом статьи.

Основой для настоящей работы послужил доклад, сделанный автором на XXXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. По сравнению с ранее опубликованным текстом (*Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год*, М.–Уфа, 2016, с. 186-197) статья существенно расширена, также в работу включены приложения и картографические материалы.

1. August von Haxthausen, *Studies on the Interior of Russia*, Chicago, 1972, p. 250 [немецкое издание: August von Haxthausen, *Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*, bd. 1-3, Hannover: Hahn, 1847-1852].

На активную мобилизацию дворянских вотчин часто обращали внимание и другие исследователи, и точка зрения о неустойчивости развития землевладения в России довольно прочно утвердилась в литературе. Так, Е.П. Карнович называл историю крупной собственности «беспрестанной игрой слепого случая», полагая, что «последовательное и постепенное развитие богатств в нескольких поколениях одной и той же фамилии было слишком редким исключением»². Более определенно по этому вопросу высказывались А.В. Романович-Славатинский и Г.А. Евреинов: по их наблюдениям, поместья обычно задерживались у представителей одного дворянского рода не более трех-четырёх поколений³. Согласно же расчетам Ю.В. Готье, в XVII столетии в Замосковном крае во владении единокровцев спустя 50-60 лет оставалась лишь третья часть поместий и вотчин⁴. Материалы первой половины XVIII в. по Московскому уезду подтверждают эту оценку⁵. Вместе с тем, общая картина до сих пор не ясна: утрата собственности могла восполняться приобретением новых вотчин, в том числе в иных уездах и другими представителями рода. Поэтому обоснованные выводы о степени стабильности дворянского землевладения в России возможны лишь после выяснения общих размеров родовой собственности (у каждой фамилии по стране в целом) и анализа тех изменений, которые произошли спустя несколько поколений. Главной задачей настоящей работы является разрешение этих вопросов по периоду с 1700 по 1762 г.

Развитию дворянской собственности в первой половине XVIII в. посвящено множество работ. Земля в это время, как известно, не являлась объектом налогообложения, поэтому незаменимыми источниками по широкому кругу исследовательских проблем стали материалы подворных переписей и ревизского учета населения. Именно на их основе были подробно изучены численность и размещение помещичьих крестьян, общие размеры и структура дворянской собственности⁶. Гораздо хуже известно, кому именно

---

2. Е.П. Карнович, *Замечательные богатства частных лиц в России*, СПб., 1874, с. 5.

3. А.В. Романович-Славатинский, *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права*, СПб., 1870, с. 166; Г.А. Евреинов, *Прошлое и настоящее значение русского дворянства*, СПб., 1898, с. 79.

4. Ю.В. Готье, *Замосковский край в XVII веке: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси*, М., 1906, с. 417, 419. См. также: Н.А. Рожков, *Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке*, М., 1899, с. 447-451; С.В. Рождественский, *Служилое землевладение в Московском государстве XVI века*, СПб., 1897, с. 61-78; С.Б. Веселовский, *Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси*, т. 1, М.-Л., 1947, с. 50-55, 80-86, 165-202.

5. С.В. Черников, «Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII века», *Cahiers du Monde russe*, 53 (1), 2012, p. 150-151.

6. В.И. Семевский, *Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II*, т. 1-2, СПб., 1901-1903; Н.М. Шелукова, «Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII-первой половине XIX в.», *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы* (далее – ЕАИВЕ) за 1963 год, Вильнюс, 1964, с. 388-419; Она же, «К вопросу о численности барщинных и оброчных помещичьих

эта собственность принадлежала. Общие сведения о родовом составе помещиков и вотчинников России в XVIII в., количестве крестьян, принадлежавших каждой дворянской фамилии, есть лишь на начало столетия (Я.Е. Водарский, О.А. Шватченко)⁷. Сопоставимые массивы данных по более позднему времени (материалы ревизий, Экономические примечания к Генеральному межеванию), из-за значительных объемов и трудоемкости обработки, были введены в научный оборот лишь частично⁸. По этой причине, изменения в распределении собственности, которые произошли в дворянской среде в петровское и послепетровское время, до сих пор остаются малоизученными.

Основными источниками для настоящей работы стали материалы III ревизии⁹. Мне удалось обработать сведения по 11 губерниям,

---

крестьян Европейской России во 2-й половине XVIII века», *ЕАИВБ за 1964 год*, Кишинев, 1966, с. 400-408; В.М. Кабузан, *Народонаселение России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий)*, М., 1963; Он же, *Изменения в размещении населения России в XVIII-первой половине XIX в. (по материалам ревизий)*, М., 1971; Он же, *Крепостное население России в XVIII в.-50-х годах XIX в. (численность, размещение, этнический состав)*, СПб., 2002; Я.Е. Водарский, «Правящая группа светских феодалов России в XVII в.», *Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв.*, М., 1975, с. 70-107; Он же, *Население России в конце XVII-начале XVIII века*, М., 1977; Он же, *Дворянское землевладение в России в XVII-первой половине XIX в. (размеры и размещение)*, М., 1988; М.Ф. Прохоров, *Крепостное крестьянство России в 1750-начале 1770-х годов*, диссертация доктора ист. наук, т. 1-2, М., 1997; О.А. Шватченко, *Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I*, М., 2002. Подробный анализ работ, посвященных развитию дворянской собственности, см.: Н.А. Горская, *Русская феодальная деревня в историографии XX века*, М., 2006, с. 142-193.

7. Для анализа родовой структуры собственности начала XVIII в. Я.Е. Водарский использовал Алфавиты к сказкам Генерального двора 1699-1700 гг., имеющие пофамильную структуру, О.А. Шватченко – материалы подворных переписей начала XVIII в. (по вотчинным владениям). Из поездных ведомостей рекрутского набора 1737-38 гг., которые содержат сведения по I ревизии, Я.Е. Водарским и Н.М. Шепуковой использовались только количественные показатели населенности имений без данных об их владельцах. Таким же образом Н.М. Шепуковой и М.Ф. Прохоровым был обработан еще один ценный источник – прокурорские ведомости 1766-1767 гг. о барщинных и оброчных крестьянах. Обзор сводных источников по предшествующему периоду (о землевладении думных и московских чинов XVII в.) см.: Я.Е. Водарский, «Правящая группа», с. 71-73. Алфавитные перечни фамилий, представители которых владели вотчинами в 1627 г., 1646 г., 1678 г., были опубликованы О.А. Шватченко. – О.А. Шватченко, *Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века*, М., 1990; Он же, *Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века*, М., 1996.

8. Очевидно, что сведения о крупнейших владельцах крепостных крестьян по II ревизии и в последней четверти XVIII в., представленные в работах Н.М. Шепуковой и В.М. Семевского, не могут являться заменой общероссийских данных о дворянской собственности. – Н.М. Шепукова, «Об изменении размеров душевладения», с. 399; В.И. Семевский, *Крестьяне в царствование*, т. 1, с. 33-34.

9. Ведомости провинциальных прокуроров 1766-1767 гг. (Российский государственный архив древних актов (далее –РГАДА), ф. 248, оп. 109, д. 158; оп. 117, кн. 197, 1464; ф. 264, оп. 2, кн. 37; ф. 447, оп. 1, кн. 541; ф. 453, оп. 1, кн. 2094-2095), ведомости о «количестве мужских душ в вотчинах» по Московской провинции 1765 г. (ф. 400, оп. 4, кн. 2171), ревизские сказки (ф. 350, оп. 2, кн. 322, 324, 408-410, 568-572, 843-846, 952-956, 992-998, 1289-1292, 1299-1301, 1360-1367, 1500, 1676-1682, 1707-1708, 1736-1739, 1854-1867, 1903-1906, 1935-1941, 2330-2333, 2354-2355, 2876-2884, 2891, 3402-3404, 4060, 4064, 4074, 4177-4180). О прокурорских ведомостях 1766-1767 гг. см.: Н.М. Шепукова,

41 провинции, 175 уездам. В общей сложности, учтены вотчины с населенностью более 3,4 млн душ крепостных¹⁰ (76% данных по Европейской России¹¹). Для сравнения использовались Алфавиты к сказкам Генерального двора 1699-1700 гг.¹² Обоснование репрезентативности и сопоставимости этих данных вынесено в приложение 1 к статье. Обратим внимание, что понятие «родовая собственность» используется в статье для обозначения всей совокупности земельных владений, принадлежавших представителям одной дворянской фамилии. Автор сознает всю условность использования этого термина¹³. Вместе с тем, следует заметить, что уже к концу XVII столетия, вотчины и поместья, при всех сохранявшихся различиях в их правовом статусе, являлись наследуемыми (и, в этом смысле, родовыми) именами¹⁴.

Хронологические рамки работы охватывают 1700-1762 гг. Эпоха петровских реформ и последующий период «дворцовых переворотов» представляют собой особый этап в истории дворянства и развития дворянского землевладения. В это время значительно выросла социальная мобильность (в том числе, в составе правящего слоя), изменились правовые основы собственности, была ликвидирована поместная система, которая на протяжении XVI-XVII вв. поддерживала служилый класс и обеспечивала приток в его руки новых земель из казенного фонда. В 1762 г., после издания манифеста «О вольности дворянства», прежняя связь между собственностью и службой была утрачена окончательно.

Имеющиеся источники позволяют ответить на ряд важных вопросов. Насколько устойчивым было развитие дворянской собственности в

«К вопросу о численности», с. 400-408; М.Ф. Прохоров, *Крепостное крестьянство России*, т. 1, с. 86-88.

10. В статье численность крестьян указана в душах мужского пола.

11. Здесь и далее имеется в виду территория, на которой проводилась первая общая подушная перепись, а также Ингерманландия и Слободская Украина, где частные ревизии были проведены в 1730-е гг. Подробнее см.: Кабузан, *Народонаселение России*, с. 50-59.

12. РГАДА, ф. 1209, алф. 661, 662, 664. Подробную характеристику источника см.: Водарский, *Население России*, с. 34-38. По Новгородскому уезду использовались данные 1678 г. – А.Я. Дегтярев, «Русское феодальное землевладение от “Смутного времени” до кануна петровских реформ», *Избранные труды по русской истории*, т. 1, М., 2006, с. 268-272. Число душ на 1700 г. рассчитано исходя из средней населенности двора в 1678 г. (3,7 души м.п.). – Водарский, *Население России*, с. 48.

13. По закону родовым владением могла являться вотчина и лишь только после ее наследования родственником (хотя бы однократного). Вотчины, полученные на законных основаниях (купля-продажа, заклад и т.д.) от представителей другого рода, родовыми не считались и рассматривались как «благоприобретенные». – К.А. Неволин, *История российских гражданских законов*, т. 2, СПб., 1851, с. 26-35. См. также: Б.В. Носов, «О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60-70-е годы XVIII в.», *Проблемы истории СССР*, вып. XIII, М., 1983, с. 66-81.

14. О практике наследования поместий см.: Готье, *Замосковский край*, с. 390-392, 416-417; И.М. Кулишер, *История русского народного хозяйства*, 3-е изд. Челябинск, 2008, с. 242. *Российское законодательство X-XX вв.*, т. 4, М., 1986, с. 224.

1700-1762 гг.? Какие изменения в распределении родовой собственности произошли за этот период? Каким образом вхождение отдельных представителей фамилии в состав правящего слоя влияло на развитие родового вотчинного фонда? Каковы были различия в эволюции собственности у старой элиты и «новичков», которые достигли высших чинов лишь в первой половине XVIII в.? Какова была роль государственного вмешательства (конфискаций и пожалований) и частнопроводных механизмов (купля-продажа, заклад, получение приданого) при мобилизации вотчин?

* * *

По моим подсчетам, в 1700-1762 гг. населенными имениями в Европейской России владели представители 5 588 фамилий (в 1700 г. – 3 081, в 1762 г. – 4 727)¹⁵. Из них 2 220 родов имели собственность как в начале, так и в конце изучаемого периода. Общие сведения о распределении крепостных крестьян между владельцами приведены в таблице 1.

---

15. Вероятно, в число «родственников» попали и однофамильцы. Однако, как показано в приложении 1.4, это не могло существенно повлиять на итоги расчетов. Количество фамилий, представители которых владели крепостными в 1700 г., подсчитано по двум «перечневым ведомостям» к Алфавитам 1699-1700 гг. (РГАДА, ф. 1209, алф. 661, л. 4-34об.; алф. 664, л. VII-VIIIоб.) и данным о родовом составе помещиков новгородских пятин на 1678 г., которые опубликованы А.Я. Дегтяревым. В «перечневых ведомостях» указаны «число лиц каждой фамилии» и количество принадлежавших им крестьянских дворов. Первая ведомость включает в себя 136 родов, служивших в «высших чинах», вторая – остальное дворянство (3 277 фамилий). Для расчетов ведомости были объединены (часть родов встречается в обоих списках). Различные варианты написания одной и той же фамилии приведены к «общему виду» (например, Обарины / Оборины, Карамышевы / Коромышевы, Карабановы / Коробановы и т.д.). В результате, перечень «сократился» до 2 952 родов. После включения сведений по Новгородскому у. получаем итог – 3 081 фамилия. Ревизские материалы, в отличие от Алфавитов к сказкам Генерального двора, имеют поузездную структуру, поэтому понадобилась сплошная обработка всего массива данных III ревизии (см. сноску 9). Как в случае с Алфавитами, различные варианты написания одной фамилии для расчетов были приведены к «общему виду». Обратим внимание, что данные III ревизии включают в себя сведения о слободском казачестве (украинцах-недворянах), владевших имениями в Слободжанщине и в близлежащих русских уездах (аналогичных сведений на 1700 г. нет). В общей сложности, с чинами слободских полков в материалах ревизии упоминаются представители 428 родов (т.е. лишь 9% от 4 727 фамилий). Существенного влияния на итоги расчетов (см. приложение 1.2) и общий вывод о высокой изменчивости родового состава российских помещиков это не оказывает.

Таблица 1 : Изменения в родовом составе собственников, 1700-1762 гг.

Фамилии, владевшие именьями ...		1700 г.		1762 г.	
		фамилий	крестьян, тыс. душ	фамилий	крестьян, тыс. душ
... в 1700-1762 гг.	абс.	2 220	1 309	2 220	2 997
	%	72	94	47	87
... только в 1700 г.	абс.	861	79	–	
	%	28	6		
... только в 1762 г.	абс.	–		2 507	466
	%			53	13
Итого	абс.	3 081	1 388	4 727	3 464

Прим.: Общее количество фамилий за 1700-1762 гг.: $2\,220 + 861 + 2\,507 = 5\,588$ родов.

Как видим, практически весь вотчинный фонд страны (87-94% крепостных) находился в руках у представителей 40% дворянских фамилий (2 220 из 5 588). Эти фамилии, которые я условно называю «устойчивыми», владели собственностью как в 1700 г., так и в 1762 г. Остальные 60% родов (3 368) можно отнести к числу «неустойчивых», поскольку они оказались не в состоянии сохранить свои имения даже на протяжении двух-трех поколений.

За 60 лет в родовом составе помещиков произошли значительные изменения. Число дворянских фамилий выросло в 1,5 раза. При этом 28% фамилий, существовавших в 1700 г., лишились всех своих крепостных, а 53% фамилий, владевших крестьянами в 1762 г., являлись «новыми» и приобрели их после 1700 г. Доля крепостных, принадлежавших этим «неустойчивым» родам, была очень мала – 6-13%. Основную массу «новых» собственников, скорее всего, составляли лица, имевшие дворянский статус, но потерявшие своих крепостных (а, возможно, и землю) в более раннее время. По расчетам исследователей, слой «бескрестьянных» помещиков в XVII-XVIII вв. был очень значителен и в ряде уездов составлял от четверти до трети землевладельцев¹⁶. Нобилитация за службу, вероятно, не оказала существенного влияния на численность дворян. По данным И.В. Фаизовой, за полвека после

16. Например, в Суздальском уезде – 30-34%, в Алексинском – 20-29% (данные 1620-х гг. и конца XVIII в.). – Д.А. Черненко, *Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII-XVIII вв.: опыт региональной типологии*, Вологда, 2008, с. 155, 182. В середине XIX в. крепостными не владели свыше 20% потомственных дворян (в том числе, не имели земли и крестьян – 6%). – Подсчет по: Б.Н. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*, т. 1. СПб., 2003, с. 88, табл. II.1.

принятия Табели о рангах, «благородное сословие» обновилось за счет лиц из непривилегированных социальных групп лишь на 9%¹⁷.

Каким был состав российских дворянских фамилий? При «дробном наследовании», количество собственников и численность рода – взаимосвязанные показатели¹⁸. Поэтому для анализа воспользуемся сведениями о владельцах имений из Алфавитов 1699-1700 гг. Фамилии с одним-двумя владельцами будем рассматривать как мелкие, а с шестью и более – как крупные. Сразу подчеркну, что общие размеры родовой собственности (численность крестьян) и количество владельцев имений связаны друг с другом лишь у малосостоятельных фамилий, среди богатых – такой взаимосвязи нет¹⁹. В приложениях 2.1-2.2²⁰ наглядно показано, что численность рода являлась одним из важнейших факторов развития собственности, а многие дворяне не имели наследников. Как видим, в начале XVIII столетия 48% дворянских фамилий были мелкими (в том числе, 33% – с одним владельцем) и только 30% – крупными. Среди фамилий, разорившихся ко времени III ревизии, было 2% крупных и 85% мелких. Состав «устойчивых» родов кардинально отличался: 41% крупных и 34% мелких. Обратим внимание, что структура родов, владевших 1-80 душами, и разорившихся фамилий очень схожа (мелкими

---

17. И.В. Фанзова, «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии, М., 1999, с. 48.

18. Коэффициент корреляции между числом владельцев имений (по Алфавитам 1699-1700 гг.) и количеством единокровцев, живших в конце XVII-начале XVIII вв., оказывается весьма высоким – 0,85 (раздельно по социальным группам: I – 0,82; II – 0,80; III – 0,88; IV – 0,79; о группировке фамилий см. далее в статье). Все коэффициенты высокосignификанты (p -value < 0,01). Показатели численности дворянских фамилий рассчитаны по справочникам: П.В. Долгоруков, *Российская родословная книга*, ч. 1-4, СПб., 1854-1857; В.В. Руммель, В.В. Голубцов, *Родословный сборник русских дворянских фамилий*, т. 1-2, СПб., 1886-1887; Н.Н. Голицын, *Род князей Голицыных*, т. 1, СПб., 1892; А.Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, т. 1-2, СПб., 1895; Г.А. Власьев, *Потомство Рюрика*, т. 1, ч. 1-3, СПб., 1906-1907. Объем выборки – 228 фамилий (I группа – 37 родов, II – 40, III – 77, IV – 74). Для расчетов использовались все опубликованные родословия (кроме иноземных фамилий и росписей без дат). Число мужчин-единокровцев в двух поколениях, живших на рубеже XVII-XVIII вв., суммировалось и делилось на два. Родословные росписи зачастую неполны, но, как видим, даже в этих условиях, взаимосвязь между рядами данных является сильной, поэтому полученные коэффициенты корреляции вполне можно рассматривать как минимальные. О родословных книгах, а также примеры пропусков и искажений в родословиях см.: М.Е. Бычкова, *Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник*, М., 1975; А.В. Сергеев, *Княжеская аристократия Московского государства во второй половине XVI-начале XVII века: князья Ростовские и Ярославские*, диссертация канд. ист. наук, СПб, 2014, с. 10-11, 262-264; А.Л. Грязнов, «Генеалогия князей Белосельских в XV-начале XVII в.», *Управление социально-экономическим развитием территорий. Материалы конференции*, Вологда, 2017, с. 15-30.

19. Характер зависимости между количеством владельцев имений и размерами родовой собственности рассматривается в приложении 1.4.

20. Диаграммы в приложении 2 составлены на основе двух «перечневых ведомостей» к Алфавитам 1699-1700 гг. – 2 952 фамилии. В таблице 1 указан иной итог (3 081 фамилия) из-за включения в расчет данных по Новгородскому уезду. Аналогичных данных на время III ревизии нет, а оценка числа собственников из каждой фамилии по материалам ревизий может быть только приблизительной.

среди них были, соответственно, 75% и 85% фамилий). Как будет показано далее, собственники 1-80 душ крестьян находились в зоне особого риска и это сходство не случайно.

На другой диаграмме видно, что 74% владельцев населенных имений были выходцами из крупных фамилий и лишь 12% – из мелких. «Устойчивые» роды, а также те фамилии, у которых наблюдался рост количества крестьян, выделялись своей многочисленностью (владельцев из крупных фамилий – 79% и 82%, из мелких – по 7%). Напротив, у фамилий, владевших 1-80 душами, и разорившихся родов была совершенно иная структура: среди них преобладали мелкие фамилии (в том числе, с одним владельцем – 26% и 41%).

Развитие вотчинного фонда обуславливалось также его исходными размерами. Эту взаимосвязь иллюстрирует рисунок в приложении 3. На нем показано, какая доля дворянских фамилий (в зависимости от числа крестьян, принадлежавших им в 1700 г.) потеряла своих крепостных к 1762 г., а какая смогла приумножить свою собственность²¹. Обратимся к первому графику. Как видим, среди самых мелких помещиков (1-20 душ) за 60 лет разорились 53% родов. Для более состоятельных фамилий вероятность такого исхода была значительно ниже: среди владельцев 81-100 душ разорились 18%, а среди владельцев свыше 200 душ – менее 10% фамилий. На втором графике показана доля дворянских фамилий, которые потеряли часть своих крестьян, но избежали полного разорения. Среди владельцев свыше 80 душ таких было около 20-30%. Для менее состоятельных родов (как следует из расположения графиков I и II) риск утраты всех вотчин был существенно выше. Вероятность роста собственности, согласно третьему графику, превышала 50% только для тех, кому принадлежало более 80 крестьян, а у владельцев свыше 100 душ она составляла 60-80%. В целом, можно заключить, что наибольшей опасности подвергалась собственность фамилий, имевших менее 80 душ. В таком положении находились более половины дворянских родов (54%). Это очень высокий показатель, однако при его оценке следует учитывать, что, в общей сложности, этим фамилиям принадлежало всего лишь 3% крестьян²².

* * *

Как было отмечено выше, мобилизация дворянских имений в России была довольно высокой. Данный факт, однако, сам по себе не позволяет судить об уровне стабильности родового землевладения в целом. Для его оценки необходимо проанализировать развитие вотчинного фонда у всех 5588 фамилий

---

21. Поскольку мелких собственников было гораздо больше, нежели крупных, для группировки использовались неравные интервалы: для владельцев 1-200 душ – шаг в 20 душ, 201-500 душ – шаг в 50 душ, 501-1000 душ – шаг в 100 душ, 1 001-3 000 душ – шаг в 500 душ; самые крупные владельцы (более 3 000 душ) объединены в одну группу.

22. В 1762 г., соответственно, 52% фамилий и 2% крепостных.

дворян-душевладельцев. Также целесообразно сопоставить развитие собственности у дворянской элиты и рядового дворянства. Для этого выделим те роды, представители которых входили в правящий слой страны. В современной историографии определение элиты, как правило, опирается на понятие чина²³. В качестве правящего слоя Московского государства обычно рассматривается состав Боярской думы, а в рамках новой служилой иерархии – чины 1-5 классов Табели о рангах («генералитет»)²⁴. Из 5 588 фамилий в состав элиты в 1613-1762 гг. входили представители 580 дворянских родов. Широкий хронологический диапазон выбран не случайно. Это позволит сравнить развитие собственности у думных фамилий, представители которых остались в элите первой половины XVIII в., и у тех родов, которые утратили былое влияние. Общий перечень из 580 фамилий дополнительно разделим на девять групп в зависимости от того, когда первому представителю рода удалось войти в правящий слой – получить думный чин (XVII в.) или чин 1-5 классов Табели о рангах (XVIII в.). Например, согласно этому критерию, Шереметевы и кн. Голицыны были отнесены к группе «до 1613 г.», кн. Волконские и кн. Прозоровские – к группе «1613-45 гг.», Нарышкины и Лопухины – к группе «1645-76 гг.» и т.д. Итоговая статистика по этим девяти группам представлена в виде графиков на рисунке 1²⁵. Там же, для сравнения,

---

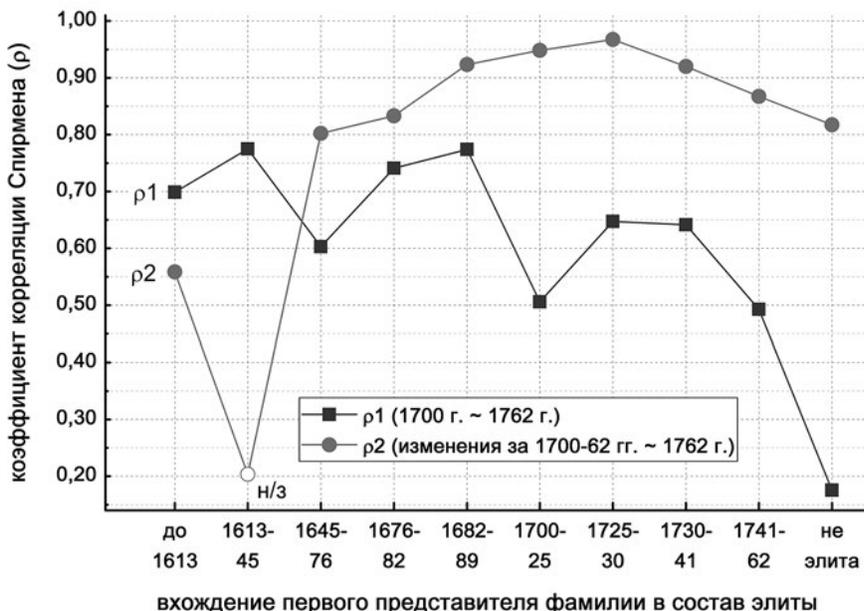
23. Основные точки зрения по этому вопросу см.: С.В. Черников, «Состав и особенности социального статуса правящей элиты России первой четверти XVIII века: традиции и новации», *Cahiers du Monde russe*, 51 (2-3), 2010, p. 260-269.

24. В первой половине XVIII в. «генералитетом» назывались как сухопутные военные чины 1-5 классов, так и вся совокупность чинов указанных рангов (военные, морские, статские, придворные). В настоящей работе используется вторая, «расширительная», трактовка термина. Отставники в состав элиты не включались. По периоду 1700-1725 гг. учитывался не только формальный (чиновный) статус человека, но и влияние этого лица в правительственной среде, внимание Петра I к его деятельности (на основе переписки). – Подробнее см.: С.В. Черников, «Состав и особенности», p. 265-266, 274-275. Перечень архивных и опубликованных источников, использованных для выявления состава правящего слоя, см.: S. Chernikov, «Les carrières des généraux en Russie de 1730 à 1763: L'influence des réformes de Pierre le Grand sur la mobilité sociale dans la composition des élites», *Cahiers du Monde russe*, 57 (2-3), 2016, p. 507-510 (сноски 9-12).

25. Данные о составе Боярской думы за 1613-1689 гг. (использовались сведения по четырем думным чинам, без высших церемониальных) заимствованы из: М. Рое, *The Russian Elite in the Seventeenth Century*, vol. 1-2, Vammala, 2004. О думных фамилиях 1613-1689 гг., представители которых имели думные чины до восшествия на престол Михаила Федоровича, см. таблицу: *Ibidem*, vol. 2, p. 188-199. Особо подчеркну, что в моей статье в группу «до 1613 г.» отнесены только те роды, представители которых продолжали жаловаться думными чинами в 1613-1689 гг. Видные в XV-XVI вв., но впоследствии захудавшие и выбывшие к XVII в. из думной среды, фамилии (например, Сабуровы, Кутузовы, Воронцовы и др.) в группу «до 1613 г.» не включены. – С.Б. Веселовский, *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, М., 1969, с. 16, 162-195, 211-229, 430-432. Состав ближайшего окружения Петра I конца XVII в. (49 лиц из 41 рода) был реконструирован Р. Крамми. Автор наглядно показал, что оно являлось более родовитым, нежели состав Думы того же периода. – R. Crummey, «Peter and the Boyar Aristocracy, 1689-1700», *Canadian-American Slavic Studies*, 8 (2), 1974, p. 279, 281. Расчет коэффициентов корреляции по группе «1689-99 гг.» дает статистически незначимые результаты из-за ее малочисленности (новыми, по отношению к предшествующим периодам, в списке Р. Крамми являются представители 8 родов, остальные – выходцы из 33 думных фамилий 1613-1689 гг.).

приведены сведения и по десятой группе – фамилиям, не связанным с правящим слоем (5 008 родов)²⁶.

**Рисунок 1 : Коэффициенты корреляции
(душевладение дворянских фамилий)**

Прим.: все коэффициенты корреляции, кроме одного (н/з), статистически значимые

Сначала рассмотрим первый график (ρ_1). Он иллюстрирует взаимосвязь между количеством крестьян, принадлежавших дворянским фамилиям в начале XVIII столетия и по данным III ревизии. Как видим, развитие собственности основной массы дворян, не входивших в правящий слой, было слабо предсказуемо ($\rho_1 = 0,18$). Напротив, у фамилий, связанных с элитой, стабильность вотчинного фонда была гораздо выше (коэффициенты по группам: от 0,49 до 0,78; общий: 0,60). Второй график (ρ_2) показывает зависимость размеров душевладения по результатам III ревизии от тех перемен, которые произошли с собственностью в предшествующее время (1700-1762 гг.). Замечу,

26. Здесь и далее используется коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ). Вариационные ряды, раздельно по каждой из десяти групп, были «очищены» от выбросов (критерий «трех сигм»). Все коэффициенты, за исключением особо оговоренных случаев, являются статистически значимыми (p -value < 0,05). Коэффициенты рассчитаны с учетом «нулевых значений» (для фамилий, не владевших крепостными в начале или в конце изучаемого периода).

что эти изменения могли быть вызваны совершенно разными причинами как благоприятного, так и негативного свойства: заключением выгодного брака, получением наследства или доходной должности, долгами, которые вынуждали помещика продать часть имений, фавором или немилостью при дворе и т.д. Если сравнить взаимное расположение двух графиков, то видна четкая тенденция: чем раньше представителям рода удавалось войти в состав правящего слоя, тем более предсказуемым становилось развитие собственности. У первых двух групп, связанных с Боярской думой до 1645 г., результаты эволюции вотчинного фонда, в основном, зависели от стартовых позиций (график ρ_1 находится выше, чем ρ_2). У думных фамилий 1645-1689 гг. линии графиков меняются местами, но показатели довольно близкие. Таким образом, принадлежность к старой элите являлась стабилизирующим фактором, причем не только у думных фамилий, причастных к власти в XVIII в. ($\rho_1 = 0,60$), но и у тех, которые ее утратили ($\rho_1 = 0,47$). Иными словами, старые фамилии, если они были богаты в прошлом, как правило, оставались состоятельными, даже если их представители выпадали из правящего слоя в первой половине XVIII в. У следующих четырех групп (1700-1762 гг.) расстояние между графиками значительно увеличивается. Это означает, что благосостояние «новичков», вошедших в элиту лишь в XVIII в., зависело прежде всего от характера перемен, происходивших с их собственностью непосредственно в изучаемый период, и только во вторую очередь – от исходных размеров вотчинного фонда. То есть, для «новичков», в отличие от старых фамилий, близость к власти оказывалась самым сильным фактором развития собственности. Как мы увидим далее, именно новые фамилии ($\rho_2 = 0,92$), а не представители старой элиты ($\rho_2 = 0,69$), в полной мере воспользовались шансами для расширения своих вотчин в первой половине XVIII столетия.

Выявленные тенденции в развитии собственности позволяют объединить фамилии, связанные с правящим слоем, в три большие группы: I – «до 1613 г. -1645 г.», II – «1645-1689 гг.» и III – «1700-1762 гг.». К IV группе отнесены фамилии, представители которых не входили в состав элиты. Эта классификация будет использоваться при дальнейшем анализе.

Сразу отмечу, что преемственность родового состава в этих четырех группах на протяжении 1700-1762 гг. была неодинакова. У старых фамилий она являлась самой высокой: в I группе собственность смогли сохранить 85% родов, во II группе – 94% (в целом, по думным фамилиям – 90%). Родовой состав помещиков из новых фамилий (III группа) был менее устойчив – 71%. У основной массы дворян (IV группа) показатель и вовсе являлся низким – 35%²⁷. Проверим следующую гипотезу. Быть может коэффициенты корреляции (высокие – у I-II групп, средние – у III, низкие – у IV) объясняются только изменчивостью родового состава групп? Сравним коэффициенты по

---

27. Доли рассчитаны от общего числа фамилий по каждой группе в 1700-1762 гг.: I группа – 62 рода из 73, II – 94 из 100, III – 290 из 407, IV – 1 774 из 5 008, все фамилии – 2 220 из 5 588.

всем фамилиям и тем родам, которым удалось сохранить собственность в течение всей первой половины XVIII в. (таблица 2)²⁸.

**Таблица 2 : Коэффициенты корреляции
(душевладение дворянских фамилий; I-IV группы)**

Социальная группа		фамилии			
		все		сохранившие собственность	
		ρ_1	ρ_2	ρ_1	ρ_2
Элита (I-III гр.):		0,60	0,80	0,70	0,79
<i>I группа (до 1613 - 1645)</i>		0,72	0,51	0,88	0,50
<i>II группа (1645 - 1689)</i>		0,70	0,85	0,71	0,85
<i>III группа (1700 - 1762)</i>		0,57	0,92	0,65	0,93
Думные фамилии (I-II гр.):		0,70	0,69	0,78	0,69
<i>I-II группы в элите XVIII в.</i>	- остались*	0,60	0,70	0,65	0,73
		0,67 / 0,60	0,56 / 0,86	0,76 / 0,60	0,59 / 0,86
	- выбыли*	0,47	0,59	0,75	0,48
		0,21 / 0,62	0,67 / 0,61	0,74 / 0,73	0,51 / 0,56
Не элита (IV гр.)		0,18	0,82	0,52	0,84
Все фамилии		0,31	0,81	0,68	0,80

Прим.: ρ_1 (1700 г. ~ 1762 г.); ρ_2 (изменения за 1700-62 гг. ~ 1762 г.);

* В верхней строке приведены общие показатели по думным фамилиям; в нижней – отдельно по I / II группам; один коэффициент (0,21), является статистически незначимым.

Как видим, после исключения из расчета фамилий, не владевших вотчинами в начале или в конце периода, закономерность не исчезла. Напротив, она проявилась отчетливее: чем раньше представителям рода удавалось войти в состав элиты, тем более устойчивым становилось развитие его собственности.

Обратим внимание на старейшую часть элиты: фамилии I и II групп. Чем отличалось развитие собственности тех родов, представители которых продолжали принадлежать к правящему слою в 1700-1762 гг., от тех, которые оказались в стороне от власти? Рассмотрим коэффициенты в правой части таблицы (это позволяет исключить те случаи, когда разорение произошло из-за пресечения рода)²⁹. Расчеты показывают, что вотчинный фонд фамилий,

28. Под «сохранившими собственность» здесь подразумеваются фамилии, которые как в 1700 г., так и в 1762 г. владели крепостными (любым количеством).

29. Думным фамилиям, представители которых в 1700-1762 гг. не входили в состав элиты (61 род), принадлежало 138-126 тыс. крепостных. Фамилии, сохранившие свои

оставшихся у власти ($\rho_1 = 0,76$ и $0,60$) и выбывших из элиты ($\rho_1 = 0,74$ и $0,73$), был устойчивым. Однако заметны и различия: причастность к власти делала развитие собственности II группы более динамичным ($\rho_1 = 0,60$; $\rho_2 = 0,86$), но мало влияла на I группу ($\rho_1 = 0,76$ и $0,74$; $\rho_2 = 0,59$ и $0,51$). У самой старой части элиты размеры душевладения к 1762 г. определялись, главным образом, стартовыми позициями рода в начале столетия. Благодаря обширным родственным связям, длительной службе на высших государственных постах и накопленным богатствам, положение этих фамилий было очень прочным. Оно мало зависело от краткосрочной придворной конъюнктуры, смены монарха, опалы отдельных представителей рода и конфискации их вотчин.

В работах по истории российской элиты довольно часто подчеркивается ее служилый характер, отсутствие корпоративных привилегий и прочных прав собственности³⁰. Отдельные исследователи, такие как Ричард Хелли, напрямую ставят вопрос: почему элита не сопротивлялась неограниченной власти монарха, либо делала это крайне редко – «Why did the Muscovite Elite Not Rebel?»³¹. Представленные расчеты наглядно свидетельствуют, что и в XVIII в. старые фамилии оставались заинтересованными в сохранении существующего порядка³². Неудачная попытка ограничения самодержавия в начале 1730 г., когда представители двух аристократических кланов – Долгоруковых и Голицыных – не получили поддержки со стороны других знатных фамилий и «рядового шляхетства», скорее подтверждает, нежели опровергает этот тезис³³.

позиции во власти (95 родов), были намного состоятельнее – 959-1 369 тыс. душ (расчет по фамилиям, которые владели вотчинами как в 1700 г., так и в 1762 г.).

30. P. Anderson, *Lineages of the Absolutist State*, London, 1974, p. 221-235, 328-360; R. Crumme, *Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia, 1613-1689*, Princeton, 1983, p. 168-174; А.П. Павлов, *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.)*, СПб., 1992, с. 202-203; *Правящая элита Русского государства IX-начала XVIII вв. (очерки истории)*, СПб., 2006, с. 8-9.

31. R. Hellie, «Why did the Muscovite Elite Not Rebel?», *Russian History*, 25 (1-2), 1998, p. 155-162; Он же, «Thoughts on the Absence of Elite Resistance in Muscovy», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 1 (1), 2000, p. 5-20.

32. К схожим выводам относительно предшествующего периода пришли В. Кивельсон и П.В. Седов. «Muscovite elites did not rebel (often) for the very good reason that they considered themselves part of the political establishment». – V. Kivelson, «Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom», *The Journal of Modern History*, 74 (3), 2002, p. 488. «Без Думы самодержавие XVII в. не имело средств быть властью. <...> думные люди были единственными в стране носителями коллективного опыта высшего управления, передаваемого по наследству». – П.В. Седов, *Закат Московского царства: царский двор конца XVII века*, М., 2008, с. 14, 51.

33. События начала 1730 г. нередко «модернизируются» и рассматриваются в контексте противостояния «самодержавия» и «конституционализма». Этот подход основан на ложном представлении о способности участников «шляхетского движения» сделать осознанный выбор между различными типами общественного устройства. Как справедливо отметил И.В. Курукин, уровень «политической грамотности» дворянства был далек от этого. – И.В. Курукин, А.Б. Плотников, *19 января-25 февраля 1730 года: события, люди, документы*, М., 2010, с. 76-89, 93. В действительности, представители элиты в начале 1730 г. выбирали не политическое будущее и форму правления для страны, они выбирали другое – место во власти для себя, своих родственников (клана) и своего

Попробуем оценить, какая часть дворянства обладала возможностями для устойчивого развития собственности в течение двух-трех поколений. Без учета 60% фамилий, владевших вотчинами только в 1700 г. или в 1762 г., коэффициенты по IV группе и всему дворянству резко повышаются до уровня средних (с 0,18 до 0,52; с 0,31 до 0,68, соответственно). Таким образом, относительно устойчивое развитие собственности демонстрировали 40% дворянских фамилий (2 220 из 5 588)³⁴. Они контролировали практически весь вотчинный фонд страны (87-94% крепостных). Среди этих фамилий находились 446 родов из I-III групп (8%), владевших 60-66% крепостных ($\rho_1 = 0,70$), и 1774 рода из IV группы (32%), владевших 27-28% крепостных ($\rho_1 = 0,52$). В подавляющем большинстве случаев (1 662 из 2 220 фамилий, 75%), утрата части родовых вотчин с лихвой компенсировалась естественным приростом среди крестьян и приобретением новых имений. Подчеркну, что такие новые имения могли приобретаться другими представителями рода и в иных уездах, то есть устойчивость прослеживается на «макроуровне» (собственность дворянской фамилии), тогда как на «микроуровне» (собственность семьи) отдельные имения, как уже было сказано, довольно часто меняли владельцев.

Также обратим внимание на вышеупомянутые 60% фамилий, которым не удалось сохранить свои имения в первой половине XVIII в. Как правило, это были мелкие собственники (1-80 душ) – 75-85%³⁵. Для сравнения, среди тех, кто владел крепостными, как в начале, так и в конце изучаемого периода, мелкопоместных фамилий гораздо меньше – 26-42%³⁶. Доля «неустойчивых» родов была самой значительной среди фамилий IV группы – 65%. У фамилий, связанных с элитой, этот показатель намного ниже: III группа – 29%, I-II группы – 10%³⁷.

окружения. – С.В. Черников, «“На убылые места ... выбирать обществом”: к вопросу о причинах “шляхетского движения” начала 1730 г.», *Cahiers du Monde russe*, 55 (1-2), 2014, p. 92-95.

34. В литературе уже есть аналогичные расчеты «устойчивости» дворянской собственности, но по отдельным уездам и на более длительном временном промежутке (поэтому они несопоставимы с моими результатами). Так, по данным Д.А. Черненко, в Суздальском уезде у дворянских фамилий, сохранивших имения со времени валового описания 20-х гг. XVII в. до Генерального межевания конца XVIII в., развитие собственности было плохо предсказуемым (коэффициенты линейной корреляции – по размерам пашни: 0,34, по числу крестьянских дворов: 0,30). – Д.А. Черненко, *Землевание и хозяйственно-демографические процессы*, с. 162.

35. В 1700 г. – 732 из 861 рода, в 1762 г. – 1 868 из 2 507 родов.

36. В 1700 г. – 932 из 2 220 родов, в 1762 г. – 582 из 2 220 родов.

37. К числу «неустойчивых» (не владевших собственностью в 1700 г. или в 1762 г.) относились: в I-II группах – 17 из 173 родов, в III группе – 117 из 407 родов, в IV группе – 3 234 из 5 008 родов.

* * *

Теперь рассмотрим данные о распределении крепостных крестьян между владельцами из разных социальных групп, а также те изменения, которые произошли в родовой структуре собственности за 1700-1762 гг. (таблица 3)³⁸.

Несколько слов о методике подсчета. Сначала по Алфавитам к сказкам Генерального двора 1699-1700 гг. и материалам III ревизии была рассчитана доля крестьян, принадлежавших каждой группе фамилий в 1700 г. и 1762 г. Объем выборки очень значителен (86% крестьянских дворов по переписи 1678 г. и 76% крепостных по III ревизии), поэтому полученные доли крестьян по социальным группам владельцев можно рассматривать как общероссийские. Затем, на основании данных Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана о численности помещичьих крестьян в Европейской России (в регионах, где проводилась первая ревизия, а также в Ингерманландии и на Слободской Украине³⁹), были вычислены абсолютные показатели. Так как владельцы, при подаче сказок на Генеральный двор в 1699-1700 гг., должны были указывать число дворов по переписи 1678 г., то среднегодовой прирост населения рассчитан для периода 1678-1762 гг.⁴⁰

---

38. Как было показано выше, состав групп в 1700 г. и 1762 г. различался (иногда, очень значительно). Поэтому оценка устойчивости родовой собственности на основе таблицы 3 невозможна. Для этой цели в статье представлены результаты корреляционного анализа, который учитывает изменения в численности крестьян, принадлежавших каждой из 5 588 фамилий.

39. В 1678 г. на указанной территории проживало 2,3 млн душ помещичьих крестьян (с учетом населения, которое уклонилось от переписи), а по III ревизии – 4,5 млн. Данные на 1678 г. не включают в себя черкас, проживавших в Слободжанщине на землях украинских помещиков (землевладение русских дворян в этот период здесь было незначительным). Ингерманландия в конце XVII в. не входила в состав России. Обратим внимание, что в работах В.М. Кабузана используется губернское деление начала XIX в. По его данным, на территории, охваченной I общей ревизией, III ревизия учла 4 401 599 душ помещичьих крестьян (в это число В.М. Кабузан включил и крестьян, проживавших в Ингерманландии). Вычтем из 4 401 599 душ тех крестьян, которые проживали в Сибири (2 087 душ), и добавим живших в Харьковской губернии (149 165). В итоге, получим 4 548 677 душ. Владельческие малороссияне у В.М. Кабузана включены в число помещичьих крестьян. Территории Харьковского, Изюмского, Ахтырского, Сумского слободских полков первой половины XVIII в., по делению начала XIX столетия, относилась к Харьковской губернии, а Острогожского полка – к Воронежской губернии. Часть уездов Белгородской губернии первой половины XVIII в. к 1806 г. вошла в Харьковскую губернию. – Водарский, *Население России*, с. 93, 95; Кабузан, *Изменения в размещении*, с. 4, 89, 180; Он же, *Народонаселение России*, с. 185-186, 191. По III ревизии в Санкт-Петербургской губернии (четыре уезда Ингерманландии) насчитывалось 42 040 душ помещичьих крестьян (собственный подсчет; в ведомости иной итог – 40 545 душ). – *Переписи населения России: итоговые материалы поворонных переписей и ревизий населения России (1646-1858)*, вып. III, М., 1972, с. 337-354.

40. Формулы для расчета среднегодового прироста см.: *Общая теория статистики*, ред. М.Р. Ефимова, М., 1999, с. 296-298; Н.Н. Рязов, *Общая теория статистики*, М., 1979, с. 244-247; *Компьютеризированный статистический анализ для историков*, ред. Л.И. Бородкин, М., 1999, с. 112-113.

Таблица 3 : Распределение крестьян в 1700-1762 гг. по группам владельцев

Социальная группа (владельцы)	1700 г.		1762 г.		рост, раз	рост, тыс. душ	средне- годовой прирост, %	
	тыс. душ	%	тыс. душ	%				
Элита (I-III гр.):	1 581	69	3 002	66	1,9	1 421	0,77	
<i>I группа (до 1613 - 1645)</i>	696	30	809	18	1,2	113	0,18	
<i>II группа (1645 - 1689)</i>	459	20	687	15	1,5	228	0,48	
<i>III группа (1700 - 1762)</i>	425	18	1 506	33	3,5	1 081	1,52	
Думные фамилии (I-II гр.):	1 155	50	1 496	33	1,3	340	0,31	
элита XVIII в.	- остались	979	43	1 369	30	1,4	391	0,40
	- выбыли	177	8	126	3	0,7	- 51	- 0,40
Не элита (IV гр.)	719	31	1 547	34	2,2	827	0,92	
Все фамилии	2 300	100	4 549	100	2,0	2 249	0,82	

Как видим, доля крестьян, принадлежавших фамилиям, связанным с правящим слоем, была очень высокой, но, вместе с тем, почти не изменилась – 69-66%. Следовательно, расширения собственности «сильных» фамилий за счет основной массы дворян в первой половине XVIII в. не наблюдалось (скорее, можно говорить о едва заметной обратной динамике).

По мнению ряда исследователей, одним из главных направлений эволюции дворянской собственности была ее концентрация в руках ограниченного круга лиц, причем этот процесс якобы носил необратимый характер⁴¹. Расчеты Б.Н. Миронова, напротив, показали, что имущественная дифференциация среди помещиков в 1678-1858 гг. не имела четко выраженной тенденции к росту или снижению⁴². Кратко рассмотрим этот вопрос на основе данных о родовой собственности в 1700-1762 гг. Согласно коэффициенту Джини, уровень неравенства в этот период был высоким, но примерно одинаковым (1700 г. – 0,72; 1762 г. – 0,74)⁴³. Доля крестьян, принадлежавших одному проценту наиболее богатых дворянских фамилий, почти не

41. *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.*, М., 1957, с. 81; А.А. Преображенский, «Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII-начала XIX вв.», *Вопросы истории*, 1977, № 5, с. 56; Шепукова, «Об изменении размеров душевладения», с. 400; *История крестьянства в Европе: эпоха феодализма*, т. 3, М., 1986, с. 321-322. Я.Е. Водарский выявил аналогичный процесс в Нечерноземном, Север-Западном и Поволжском районах (1700-1737 гг.). – Водарский, *Население России*, с. 77-78.

42. Миронов, *Социальная история*, т. 1, с. 93. Расчеты коэффициента Джини в работе Б.Н. Миронова основаны на агрегированных данных (группировка по размеру имений: мелкие – 1-20 душ, средние – 21-100, крупные – более 100).

43. При расчете, ранжированная по числу душ совокупность данных, делилась на квинтили (группы по 20% фамилий).

изменилась и составляла 32% и 31%, соответственно. В приложении 4 на графиках представлено распределение собственности по децильным группам – по 10% фамилий, от самых бедных до самых богатых. Как видим, графики практически накладываются друг на друга. Разница показателей по первым девяти группам составляет доли процента, за счет чего удельный вес крепостных, принадлежавших наиболее состоятельной – десятой – группе за 60 лет вырос лишь на 3,6%. Очевидно, что наличие процесса концентрации собственности в первой половине XVIII в. можно признать лишь с формальной точки зрения – эта динамика не оказала существенного влияния на структуру вотчинного фонда.

Эволюция собственности шла по другому пути – перераспределения рабочей силы (и, очевидно, земельных ресурсов) от думных фамилий в пользу «новичков», попавших в элиту лишь в 1700-1762 гг.⁴⁴ По данным таблицы 3, за изучаемый период численность крестьян у новых фамилий увеличилась в 3,5 раза, что существенно выше общероссийского показателя (2 раза). Примечательно, что рост наблюдался почти у всех фамилий этой группы (93%), причем, у четверти из них (27%) – с нуля (в 1762 г. им уже принадлежало 289 тыс. душ; 19% собственности III группы). Рост душевладения у I и II групп был ниже общероссийского (1,2 и 1,5 раза). Число крепостных у тех думных фамилий, представители которых в XVIII в. выбыли из элиты, даже сократилось. Это произошло, в первую очередь, из-за пресечения фамилий. Расчеты также показывают, что численность крестьян, принадлежавших «новичкам», за 1700-1762 гг. увеличилась (сверх естественного прироста!) на 665 тыс. душ, у IV группы – на 124 тыс., а у думных фамилий (I-II группы), напротив, снизилась на 789 тыс.⁴⁵

Какие причины привели к столь значительным изменениям? Территориальный фактор следует сразу исключить. У всех трех групп, связанных с правящим слоем, доля крестьян, проживавших в районах старого заселения (67-71%) и на осваиваемых территориях, где наблюдалась высокая рождаемость (29-33%), была примерно одинакова⁴⁶.

Самой вероятной причиной эволюции вотчинного фонда было обновление правящего слоя страны. По моим расчетам, с конца XVII в. доля представителей думных фамилий (в составе русской части элиты, без учета иноземцев) снизилась более чем в два раза. Так, в 1689-1700 гг. этот показатель составлял

---

44. Рост собственности, принадлежавшей «новичкам» (по каждой из четырех подгрупп – «1700-25 гг.», «1725-30 гг.», «1730-41 гг.», «1741-62 гг.»), был пропорциональным: с 4-5% в 1700 г. до 8-9% в 1762 г.

45. Дворянству из III группы в 1700 г. принадлежало 425 тыс. душ. К 1762 г. их численность должна была составить 841 тыс. (исходя из общероссийского прироста в 1,978 раза), но фактически выросла до 1 506 тыс. душ. Разница между фактическим и ожидаемым приростом – 665 тыс. душ. Расчет по остальным группам аналогичен.

46. О различиях в естественном приросте в районах старого заселения и на колонизируемых территориях см.: Н.А. Горская, *Историческая демография России эпохи феодализма: итоги и проблемы изучения*, М., 1994, с. 177.

89%, в 1700-1725 гг. – 57%, в 1725-1730 гг. – 48%, в 1730-1741 гг. – 40%, а в 1741-1762 гг. – уже 35%⁴⁷. Однако, какой фактор перераспределения собственности стал решающим: непосредственное вмешательство верховной власти (пожалования и конфискации) или же личные и семейные усилия представителей новых фамилий по расширению родового землевладения (в частности, браки и покупка вотчин)?

Пожалованиям и конфискациям, как средству перераспределения собственности, в литературе обычно отводится важная роль⁴⁸. Так, по данным Е.И. Индовой, в первой половине XVIII в. дворянству (главным образом, представителям правящего слоя) была пожалована 171 тыс. душ крестьян, в том числе, непосредственно из дворцового ведомства – 35 тыс. душ, а из «приписных» (т.е. ранее конфискованных) – 136 тыс. душ⁴⁹. Исключим из перечня те раздачи, где не указана фамилия получателя вотчины (всего менее 10 тыс. душ⁵⁰), а также ранее конфискованные имения, возвращенные прежним собственникам или их родственникам (27 тыс. душ⁵¹). В итоге, получим около 135 тыс. душ. Из этого числа, по моим расчетам, представителям I и II групп было пожаловано 85 тыс. крестьян (63%), III группы – 45 тыс. (33%), IV группы – 5 тыс. (4%). Таким образом, власть, скорее, была склонна поддерживать материальное благополучие старых фамилий, нежели «новичков»⁵², что идет вразрез с выявленной динамикой в структуре собственности (таблица 3). Кроме того, раздачи были не настолько

47. С.В. Черников, «Состав и особенности», с. 271; Он же, «Правящая элита России 1725-1730 годов: социальный состав, основные тенденции развития», *Вестник Челябинского гос. ун-та*, 60 (12), 2014, с. 33. Сведения по 1730-1741 гг. и 1741-1762 гг. ранее не публиковались.

48. А.И. Васильчиков, *Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах*, т. 1, СПб., 1876, с. 441-447; Карнович, *Замечательные богатства*, с. 6, 45; Е.И. Индова, «К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период», *Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв.*, М., 1975, с. 282; Миронов, *Социальная история*, т. 1, с. 90; Шепукова, «Об изменении размеров душевладения», с. 397, 399.

49. Е.И. Индова, *Дворцовое хозяйство в России: первая половина XVIII века*, М., 1964, с. 65, 79.

50. Например, в перечне упоминаются без фамилий «штаб-лекарь», «разные военные чины из полков», «офицеры и рядовые лейб-компаний» и т.д. – Индова, *Дворцовое хозяйство*, с. 66-78.

51. Самые крупные вотчины были возвращены в 1742 г. кн. Долгоруковым, кн. Голицыным и Волынским.

52. На основе данных о количестве пожалований (без учета населенности имений), Б. Михан-Уотерс пришла к выводу, что правительство не стремилось поднять благосостояние той части элиты, которая не имела унаследованной собственности. – В. Meehan-Waters, «Social and career characteristics of the administrative elite, 1689–1761», in W. McKenzie Pintner and D.K. Rowney, eds, *Russian officialdom: the bureaucratization of Russian society from the seventeenth to the twentieth century*, Chapel Hill, 1980, p. 88; Она же, *Autocracy and aristocracy: The Russian Service Elite of 1730*, New Brunswick, N.J., 1982, p. 75-77. Несмотря на различия в наших выводах, они не противоречат друг другу.

значительны, чтобы привести к существенному росту числа крестьян у III группы (45 тыс. от 665 тыс. душ составляют лишь 7%)⁵³.

Сведения о конфискованных и выморочных имениях менее полны⁵⁴. В первой половине XVIII в. у дворян, монастырей и прочих владельцев были конфискованы вотчины с населением около 75 тыс. душ⁵⁵, в том числе, у представителей думных фамилий – 23 тыс. душ (31%). В это число (75 тыс.) входят лишь крестьяне имений, включенных в состав дворцового ведомства. Численность крепостных в вотчинах, которые были отписаны в казну, но еще не стали дворцовыми и не были розданы новым помещикам, по данным I-III ревизий, была незначительна – 4-9 тыс. душ⁵⁶. Таким образом, общие объемы конфискаций за первую половину века будут складываться из трех показателей: вотчин, вошедших в состав дворцового ведомства (75 тыс. душ), имений, уже розданных помещикам из конфискованного имущества (136 тыс. душ), и небольшого числа «отписных» вотчин, которые продолжали числиться за казной (менее 10 тыс. душ). В итоге получим 221 тыс. душ, а исключив имения, возвращенные родственникам (27 тыс. душ), – 194 тыс. душ. По аналогии с вотчинами, вошедшими в состав дворцового ведомства, рассчитаем общую численность крестьян, конфискованных у представителей думных фамилий (31%) – около 60 тыс. душ. Очевидно, что сокращение собственности I-II групп почти на 800 тыс. душ произошло не из-за отписки имений. Часть вотчин могла быть пожалована и отписана по 2-3 раза (такие случаи упоминаются в литературе), но это никак не объясняет более чем десятикратную разницу рассчитанных показателей.

В целом, даже при условии неполноты данных о пожалованиях и конфискациях, можно уверенно заключить: в первой половине XVIII в. вмешательство верховной власти не оказывало значительного воздействия на структуру вотчинного фонда⁵⁷. Масштабный переход собственности от старых к новым

---

53. По всей видимости, до присоединения польских областей к России при Екатерине II правительство не располагало возможностями для массовых пожалований. – В.И. Семевский, «Раздача населенных имений при Екатерине II», *Отечественные записки*, 1877, № 8, с. 216.

54. Я.Е. Водарский, опираясь на работы В.И. Семевского, Ю.В. Готье и Е.И. Индовой, считал, что сведения о раздачах вотчин в первой половине XVIII в. «известны». Напротив, существующие в литературе данные о конфискованных и выморочных имениях, он рассматривал как неполные. – Водарский, *Дворянское землевладение*, с. 228.

55. Индова, *Дворцовое хозяйство*, с. 65.

56. РГАДА, ф. 248, кн. 1163, ч. 2, л. 1016 об.; *Переписи населения России*, вып. III, с. 266. Согласно ведомости 1766 г., в выморочных, конфискованных и отписных за «начеты, недомку и неплатеж пошлин» вотчинах, которые находились под управлением Канцелярии конфискации, проживало 4 810 душ (подсчет по: РГАДА, ф. 263, оп. 1, ч. 2, кн. 1043).

57. Во второй половине XVIII в. ситуация могла быть иной и этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Так, по расчетам В.И. Семевского, при Екатерине II было роздано около 400 тыс. душ крестьян (в первую очередь, в Польше). Павел I пожаловал около 300 тыс. душ (в основном, это русские крестьяне из числа дворцовых). – Семевский, «Раздача населенных имений при Екатерине II», с. 209; Он же, «Пожалование населенных имений при императоре Павле», *Русская мысль*, 1882, № 12, с. 161, 163-165.

фамилиям в результате наследования был также невозможен, поскольку сложившаяся традиция ограничивала выход вотчин за пределы рода, отдавая предпочтение ближайшим родственникам мужского пола. По моим подсчетам, 77% собственности (крепостных крестьян) наследовалось мужчинами, 82% – от мужчин, 71% – сохранялось в рамках нуклеарной семьи (супружеской пары с детьми)⁵⁸. Таким образом, решающими факторами перераспределения вотчинного фонда следует признать куплю-продажу и заклад имений.

* * *

Как было показано выше, в 1700-1762 гг. думные фамилии утратили часть своей собственности и лишь благодаря естественному приросту среди крестьян, населенность имений, принадлежавших дворянским родам из I-II групп, выросла на 30%. Рассмотрим развитие вотчинного фонда старых фамилий более подробно. В первую очередь, обратим внимание на изменения в составе крупнейших душевладельцев страны (приложение 5⁵⁹). Из 100 фамилий, владевших наибольшим числом крепостных в 1700 г., в аналогичном списке 1762 г. присутствуют лишь 59 родов. В перечне 1700 г. мы видим 71 фамилию из I-II групп (этим родам принадлежали 85% крестьян⁶⁰) и только 23 фамилии из III группы (13%); в перечне 1762 г. – 51 род из I-II групп (61% крестьян) и уже 43 рода из III группы (36%). Эти цифры наглядно свидетельствуют, что, несмотря на укрепление позиций новых фамилий, запас прочности у старой элиты оставался очень значительным. Лучше всего это прослеживается при сравнении верхней части обоих списков. Так, в 1700 г. в первую десятку богатейших фамилий входили кн. Черкасские (46 тыс. душ), Нарышкины (41), Салтыковы (29), кн. Голицыны (29), кн. Долгоруковы (28), кн. Одоевские (20), Головины (18), Шереметевы (16), кн. Прозоровские (15), кн. Куракины (14) и Бутурлины (14). За исключением Нарышкиных, которые возвысились в последней четверти XVII в., благодаря родству с царствующей династией, остальные фамилии в этом списке имели аристократическое происхождение⁶¹. Ко времени III ревизии перечень крупнейших собственников выглядел следующим образом: кн. Голицыны (108 тыс. душ),

58. Черников, «Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений», с. 151-154.

59. Данные по III ревизии ранее не публиковались. Перечневые ведомости к Алфавитам 1699-1700 гг. были опубликованы: *Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII-первая половина XVIII в.*, сост. Я.Е. Водарский, О.А. Шватченко, М., 1989, с. 34-91.

60. Здесь и далее доля крепостных подсчитана от числа крестьян, принадлежавших первым 100 фамилиям.

61. О критериях, на основе которых фамилии относились к числу «боярских» (аристократических), подробно см.: Павлов, *Государев двор и политическая борьба*, с. 14-18; R. Crummeу, «Peter and the Boyar Aristocracy», p. 276; Он же, *Aristocrats and Servitors*, p. 14; *Правящая элита Русского государства*, с. 6.

Шереметевы (88), Строгановы (65), кн. Долгоруковы (51), Салтыковы (49), Нарышкины (41), Лопухины (29), Головины (28), гр. Разумовские (27), Головкины (24). Можно заметить, что состав стал более «пестрым»: наряду с аристократией (5 родов) и фамилиями, попавшими в Думу в XVII в. (3 рода), здесь также были представители новой элиты – Строгановы и Разумовские (вотчинный фонд последней фамилии целиком сложился в XVIII в.). Однако, несмотря на рост собственности у «новичков», центральное место среди самых состоятельных дворянских родов России, даже к середине XVIII в., по-прежнему занимали думные фамилии (8 из 10 родов, 82% крепостных⁶²).

Мои расчеты также показывают, что в 1700-1762 гг. благосостояние большинства думных фамилий (63%) укрепилось. У трети родов (30%) численность крестьян уменьшилась, однако полное разорение было редкостью (7%)⁶³. Такая судьба зачастую объяснялась пресечением фамилий (например, князей Пожарских, Приемковых-Ростовских, Ромодановских, Коркодиновых, Пронских, Хотетовских, Лыковых, Великогагиных, Троекуровых, дворян Годуновых, Ловчиковых, Толочановых)⁶⁴. Напомню для сравнения, что по дворянству в целом за тот же период разорились 28% фамилий.

Размеры вотчин, принадлежавших представителям думных фамилий, отличались большим разнообразием. Наряду с Голицыными и Шереметевыми, чье состояние исчислялось десятками тысяч крепостных, встречались и бедные фамилии – например, Траханиотовы или кн. Звенигородские (менее 100 душ по III ревизии). В целом, однако, в середине XVIII в. старая элита сохраняла ведущие позиции в сфере собственности. Сравним средние размеры душевладения по группам фамилий и воспользуемся для этого медианными показателями, так как они мало подвержены влиянию нехарактерных значений (таблица 4).

---

62. Здесь доля крепостных подсчитана от числа крепостных, принадлежавших первым 10 фамилиям.

63. Масштабы разорения старых фамилий зачастую преувеличиваются. Так, Е.И. Индова, по материалам генеалога Л.М. Савелова, составила список «крупной титулованной знати, оскудевшей в конце XVII-XVIII в.» (Индова, «К вопросу о дворянской собственности», с. 290-291). К числу «оскудевших» и «разорившихся» к середине XVIII в. она ошибочно отнесла кн. Трубецких (согласно моим подсчетам, по III ревизии им принадлежали 23 тыс. душ), кн. Хованских (11 тыс.), кн. Одоевских (11 тыс.), Апраксиных (24 тыс.), Кольчевых (8 тыс.) и кн. Гагариных (14 тыс.). Подчеркну, что у всех перечисленных фамилий, кроме кн. Одоевских, количество крепостных, по сравнению с концом XVII в., увеличилось. Также не соответствуют действительности сведения о пресечении фамилий кн. Урусовых, Нарышкиных, Измайловых, кн. Вяземских и кн. Белосельских. По поводу кн. Долгоруковых в перечне Е.И. Индовой указано: «имения конфискованы, вернулись лишь частично». По моим же данным, Долгоруковым, несмотря на неоднократную конфискацию вотчин, удалось не только сохранить, но даже преумножить свое состояние (с 28 до 51 тыс. душ).

64. Перечислены фамилии, владевшие вотчинами и поместьями в 1700 г. (в общей сложности им принадлежало около 35 тыс. душ). Самыми крупными собственниками среди них, на начало века, являлись кн. Ромодановские (около 12 тыс. душ) и кн. Троекуровы (свыше 7 тыс. душ).

Таблица 4 : Средние размеры душевладения фамилий в 1700-1762 гг.

Группа	Год	Фамилий	Крестьян, душ	
			$\bar{a}$	Med
I	1700	70	6 002	2 784
	1762	65	9 477	3 569
II	1700	99	2 796	1 770
	1762	95	5 503	3 329
I-II	1700	169	4 124	1 911
	1762	160	7 117	3 341
I-II гр., в элите XVIII в. остались / выбыли	1700	96 / 73	6 149 / 1 460	3 525 / 1 184
	1762	95 / 65	10 977 / 1 477	6 702 / 1 097
III	1700	296	867	475
	1762	401	2 860	1 466
IV	1700	2 616	166	48
	1762	4 166	283	49
Все фамилии	1700	3 081	450	67
	1762	4 727	733	71

Прим.: $\bar{a}$ – среднее арифметическое, Med – медиана.

Как видим, даже значительное расширение вотчинного фонда (в 3,5 раза) не позволило «новичкам» приблизиться по благосостоянию к думным фамилиям (в 1762 г. – 1 466 душ против 3 341 души). Размеры собственности думных фамилий, представители которых остались в элите XVIII в., выросли примерно вдвое (с 3 525 до 6 702 душ), а у выбывших из правящего слоя – почти не изменились (1 184 и 1 097 душ). Утрата властных позиций не приводила к бедности или разорению рода. Данные таблицы также позволяют сделать вывод, что формирование крупных владений «по воле слепого случая» было редкостью (вопреки утверждениям Е.П. Карновича⁶⁵). Рост вотчин у большинства новых фамилий в XVIII в. не являлся случайным и имел под собой прочную основу: уже в начале столетия по размерам своей собственности фамилии III группы достаточно сильно отличались от общей дворянской массы (475 и 48 душ).

Земельные владения представителей думных фамилий имели различное происхождение: часть была пожалована государем, другая – унаследована или куплена. Однако, в любом случае, основой богатства старой элиты являлась ее близость к трону. Анализируя «источники боярской власти» в XVII столетии, Р. Крамми пришел к выводу, что брачные и патронажные связи аристократии, стремление породниться с как можно большим числом фамилий, выполняли,

65. Карнович, *Замечательные богатства*, с. 5-6, 117, 213.

в первую очередь, защитные функции – были своеобразной страховкой от изоляции в борьбе за власть, расширяя число потенциальных союзников и клиентов⁶⁶. На экономическую сторону организации браков в боярской среде обратила внимание О.Е. Кошелева. Она наглядно показала, что крупная собственность в «клане» Шереметевых-Одоевских-Черкасских, на протяжении около 100 лет не уходила «на сторону» и передавалась среди представителей этих фамилий в качестве наследства или приданого⁶⁷.

Мои расчеты позволяют предположить, что стойчивость землевладения старой элиты обуславливалась не только близостью к власти или особой практикой наследования собственности, но, в значительной мере, и демографическими причинами⁶⁸. Вернемся к приложению 2 и обратим внимание на диаграммы 2.3-2.4. Напомню, что фамилии с одним-двумя владельцами рассматриваются в статье как мелкие, а с шестью и более – как крупные. Как видим, в 1700 г. крупных фамилий, в целом по дворянству, насчитывалось 30%, а в I-II группах – 67% и 81%. Мелких фамилий, напротив, было 48%, 16% и 6%, соответственно. Интересно, что фамилии, представители которых вошли в правящий слой в 1700-1762 гг. (III группа), уже в начале века имели очень схожую структуру, несмотря на гораздо меньшие размеры собственности: крупных – 66% родов, мелких – 18%. Это подтверждает мой вывод о

66. R. Crummeу, «Sources of Boyar Power in the Seventeenth Century: The Descendants of the Upper Oka Serving Princes», *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 34 (1-2), 1993, p. 113, 115; Он же, *Aristocrats and Servitors*, p. 79-80, 106. Автор указывает, что при выборе брачного партнера «экономические цели» (сохранение и расширение собственности) не являлись основными (*Aristocrats and Servitors*, p. 75-76).

67. О.Е. Кошелева, «Родственные связи в высших кругах знати XVII столетия и землевладение», *Cahiers du Monde russe*, 57 (2-3), 2016, p. 545-570. Автор использует термин «клан» для обозначения нескольких родов, «связанных родством, службой и землевладением» (*Ibid.*, p. 561).

68. Данные источников о численности и структуре боярских семей, рождаемости и детской смертности фрагментарны, поэтому демографическая история российской элиты почти не изучена. Среди работ по смежным темам следует выделить следующие статьи: В.А. Кучкин, «Московские Рюриковичи: генеалогия и демография», *Исторический вестник*, т. 4, М., 2013, с. 6-71; А.С. Усачев, «“Старость глубокая” в XIV-XVI в.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников)», *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 2014, № 1, с. 58-68. У представителей европейской аристократии, рождаемость в XVII-XVIII вв. составляла 5-7 детей обоего пола; до 15-16 лет доживали 60-70% новорожденных. Для сравнения, аналогичный показатель у жителей г. Вена в середине XVIII в. составлял 36%. – Т.Н. Hollingsworth, «A Demographic Study of the British Ducal Families», *Population Studies: A Journal of Demography*, 11 (1), 1957, p. 12, 21; L. Henry, «Démographie de la noblesse britannique», *Population (French Edition)*, 20 (4), 1965, p. 698, 700; S. Peller, «Birth and Death Among Europe's Ruling Families Since 1500», *Population in History*, vol. 1, London, 1965, p. 90, 94; Н.О. Lancaster, *Expectations of Life: A Study in the Demography, Statistics, and History of World Mortality*, N.Y., 1990, p. 8-9. В Европе в «привилегированных» социальных группах (аристократия, дворянство, буржуазия) контроль рождаемости становится распространенной практикой с XVIII столетия. – М. Livi-Bacci, «Social-Group Forerunners of Fertility Control in Europe», *The Decline of Fertility in Europe*, Princeton, 1986, p. 183-189; S.L. Corson, R.J. Derman, L.B. Tyrer, eds., *Fertility Control*, 2th ed., Goldin Publishers, 1994, p. 397; М.Л. Баччи, *Демографическая история Европы*, СПб., 2010, с. 217-218. Свидетельств регулирования рождаемости в семьях боярской элиты нет. – Crummeу, *Aristocrats and Servitors*, p. 68.

том, что рост благосостояния новых фамилий в XVIII в. не был случайным. Состав основной массы дворянства (IV группа), даже его «устойчивой» части, кардинально отличался (53% и 39% – малочисленные роды). Вывод на основе следующего графика также однозначен: подавляющее большинство представителей I-III групп являлись выходцами из особо крупных фамилий (свыше 10 владельцев) – 74-82%⁶⁹. По IV группе этот показатель вдвое ниже – 37-43%.

Как видим, многочисленность рода и дробление вотчин не мешали устойчивому развитию собственности у фамилий, причастных к власти⁷⁰. Очевидно, в отличие от Петра I, который считал, что разделы имений могут привести к исчезновению «славных и великих домов» и их превращению в «поселян»⁷¹, представители элиты оценивали факторы риска совсем иначе. Поскольку в этой среде богатство являлось следствием социального статуса, то важнейшей задачей становилось удержание власти. Значительное число единокровцев позволяло расширить сеть брачных связей с другими влиятельными фамилиями. Одновременно снижалась вероятность пресечения рода и повышались шансы на сохранение вотчин и их передачу потомкам. Демографический фактор здесь играл важнейшую роль, а многочисленность фамилии превращалась из «помехи» в преимущество.

* * *

В заключение проанализируем территориальное размещение дворянской собственности на время III ревизии. Картографические материалы вынесены в приложение к статье (7.1-7.9)⁷².

69. В целом по I-II группам, доля представителей особо крупных фамилий (свыше 10 владельцев) составляла 80%. В среднем, на одну фамилию из I-II групп приходилось по 14 владельцев (медиана – 10).

70. Этот вывод также подтверждается моими расчетами по материалам Московского уезда, где позиции высших чинов были особенно сильны. Основная масса имений в районе старой столицы переходила из рук в руки без раздела, а обладание собственностью в других уездах страны позволяло обеспечить необходимой долей каждого наследника. Между I и II ревизиями (за 25 лет) в Московском уезде разделу подверглись 18% вотчин, а между II и III ревизиями (около 20 лет) – лишь 6%. Первый показатель выше, поскольку часть этого периода приходится на время действия указа о единонаследии, когда дворяне вынуждены были продавать часть собственности, чтобы обеспечить долей наследства всех своих сыновей. – Черников, «Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений», с. 155-156. См. также: S. Chernikov, «Noble Landownership in 18th-Century Russia Revisiting the Economic and Sociopolitical Consequences of Partible Inheritance», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 17 (2), 2016, p. 298.

71. Указ о единонаследии 1714 г. – *Полное собрание законов Российской империи*, СПб., 1830 (далее – ПСЗ), т. 4, № 2789, с. 91.

72. При составлении карт использовались карты-схемы Ю.В. Готье, Я.Е. Водарского, А.Г. Слюсарского. – Ю.В. Готье, *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*, т. 1, М., 1913 (приложение); Водарский, *Население России*, с. 233-263; *Национальный атлас России*, т. 4, М., 2008, с. 72; А.Г. Слюсарский,

На первых двух картах (7.1-7.2) показаны размещение населения и доля помещичьих крестьян в его составе⁷³. Основная масса населения по-прежнему проживала в Нечерноземном и Черноземном регионах (в последнем наименее освоенными были юго-восточные провинции – Воронежская и Тамбовская). Самая высокая доля помещичьих крестьян (свыше 70-80%) наблюдалась в уездах по р. Оке (в нижнем и среднем ее течении), р. Угре, а также к югу от них. Столь же высокими были показатели к западу от Москвы – в ряде уездов Смоленской и Новгородской губерний, а также к северо-востоку – в Заволжье (Ярославская и Галичская провинции). В историческом центре страны (Волго-Окском междуречье), из-за значительного числа монастырских вотчин, доля помещичьих крестьян была ниже (50-70%)⁷⁴.

На время III ревизии менее половины дворянских фамилий (44%) владели всей своей собственностью в одном уезде, тогда как у 56% родов имения размещались в двух и более уездах (приложение 6). Имения крупнейших землевладельцев, как правило, были рассеяны по нескольким десяткам уездов: Голицыны – 71 уезд, Шереметевы – 49, Строгановы – 20, Долгоруковы – 57, Салтыковы – 49, Нарышкины – 51, Лопухины – 52, Головины – 60, Головкины – 21. Среди богатейших фамилий лишь елизаветинские выдвигенцы Разумовские владели вотчинами в меньшем числе уездов (14)⁷⁵. Вотчинный фонд этих фамилий распределялся крайне неравномерно: как правило, на треть уездов приходилось более 80% крепостных⁷⁶. Князя Голи-

---

Социально-экономическое развитие Слободжанщины XVII-XVIII вв., Харьков, 1964 (приложение). Границы между пятью полками (провинциями) Слободской Украины и южными русскими уездами на картах в приложении 7 являются условными. На деле, эти административные единицы были «чересполосными» и здесь существовало двойное управление. Так, черкасы (владельческие малороссияне, не являвшиеся крепостными), включая тех, кто проживал на территории русских уездов, были подведомственны полковой администрации Слободжанщины, а русские крепостные крестьяне – Белгородской и Воронежской провинциальным канцеляриям (в том числе, и по платежу подушной подати). Структура собственности на «русских» и «украинских территориях», как будет показано далее, также сильно различалась.

73. Сведения о поуездном размещении населения и помещичьих крестьян для карт 7.1-7.2 заимствованы из: *Переписи населения России*, вып. III, с. 3-269, 337-354, 370-376.

74. По III ревизии в Европейской России (на территории, включенной в I ревизию), доля помещичьих крестьян составляла 52,2%, а церковных (всех категорий) – 12,2% (Кабузан, *Изменения в размещении*, с. 87-89). В центральных районах страны последний показатель был гораздо выше: в Переяславль-Залесской провинции – 37%, в Угличской – 36%, в Московской и Тверской – по 23%, во Владимирской – 22%, в Костромской – 21%. После секуляризации (1764 г.) вотчины духовенства были переданы в ведение государственной Коллегии экономии. Обзор историографии по церковно-монастырскому землевладению см.: Н.А. Горская, «Формы земельной собственности: складывание и соотношение», *Собственность в России: средневековье и раннее новое время*, М., 2001, с. 47-52; М.С. Черкасова, *Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры)*, М., 2004, с. 13-24.

75. О территориальной раздробленности дворянской собственности см.: Рождественский, *Служилое землевладение*, с. 228-229; Водарский, *Население России*, с. 67, 74-75; J. Blum, *The End of the Old Order in Rural Europe*, Princeton, 1978, p. 26.

76. Например, у представителей рода Голицыных 86% принадлежавших им крестьян были сосредоточены в 24 уездах (из 71), у Шереметевых – 86% крестьян в 16 уездах (из

цыны, владевшие 107 915 душами крестьян, являлись «мелкими дворянами» в Балахнинском, Кадьевском, Керенском, Мценском, Старооскольском или Вольновском уездах (менее 20 душ), а в Козельском, Ростовском, Кунгурском уездах, Харьковском и Сумском слободских полках – «особо крупными» (по 5-9 тысяч душ).

Где располагались имения наиболее зажиточной части дворянства? На карте 7.3 представлены общие данные о размещении собственности фамилий, владевших по стране более чем 1 000 душ (группа А), и менее крупных вотчинников с числом крестьян от 1 до 1 000 (группа В). Среди первых было лишь 14% фамилий, но им принадлежала основная масса крестьян (83%)⁷⁷. Столбчатыми диаграммами на карте показаны количество фамилий из групп А и В по провинциям, заливкой – доля крепостных у родов из группы А (от общего числа крестьян в провинции).

Как видим, доля крестьян, принадлежавших группе крупнейших владельцев (свыше 1 000 душ), была самой низкой на окраинах Европейской России: в Уфимской (44%), Белгородской (56%), Воронежской (59%), Смоленской (62%) провинциях, а также в Изюмском слободском полку (45%). В XVII-первой половине XVIII вв. смоленская шляхта и слободское казачество сохраняли часть своих корпоративных привилегий, а скупка однодворческих и башкирских земель законодательно ограничивалась правительством. Кроме того, на протяжении почти всего XVII столетия московским чинам запрещалось приобретать земли в «заказных» уездах юга России⁷⁸. По этим причинам расширение дворянской собственности в перечисленных районах было сравнительно медленным. Вместе с тем, к середине XVIII в. крупное землевладение уже имело достаточно прочные позиции в Слободской Украине. Большинство имений с населенностью свыше 1 000 душ черкас здесь принадлежало русским помещикам, а меньшая часть – местной казачьей старшине.

Среди районов с наивысшими показателями (91-100%) мы видим как центральные, так и периферийные. В Нечерноземном центре очень крупные вотчины были сосредоточены в уездах Нижегородской и Арзамасской

---

49), у Строгановых – 94% крестьян в 7 уездах (из 20).

77. По III ревизии свыше 1 000 душ крепостных принадлежало 667 дворянским фамилиям. Из них, 3% родов владели собственностью в 51-71 уездах, 11% – в 31-50, 22% – в 21-30, 38% – в 11-20.

78. М.М. Богословский, «Смоленское шляхетство в XVIII веке», *Журнал министерства народного просвещения*, 1899, № 3, с. 31-40; Н.Н. Петрухинцев, «Смоленская шляхта в эпоху петровских преобразований», *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века*, М., 2012, с. 92-95; Он же, *Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740)*, М., 2014, с. 250-251, 265-268; А.И. Акманов, *Аграрная политика правительства и землевладение башкирских общин во второй половине XVI - начале XX вв.*, диссертация доктора ист. наук, М., 2002; А.А. Новосельский, «Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.», *Исторические записки*, М., 1938, т. 4, с. 21-40; В.М. Важинский, *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: по материалам южных уездов России*, Воронеж, 1974; Водарский, *Население России*, с. 166-179; С.В. Черников, *Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века*, Рязань, 2003, с. 78-87.

провинций. Еще в XVII столетии (по преимуществу во второй его половине) дворцовый фонд здесь был практически почти полностью ликвидирован, а земли пошли на раздачу монастырям и московской знати, в частности, Шуйским, Морозовым, Черкасским, Воротынским⁷⁹. В середине XVIII в. свыше 1 000 душ в этих провинциях принадлежало представителям 38 фамилий, а самыми значительными имениями владели Шереметевы, Грузинские, Демидовы, Голицыны, Головины, Бахметевы, Бутурлины, Салтыковы, Лобановы-Ростовские, Долгоруковы, Гагарины, Воронцовы, Мусины-Пушкины, Дадияны и Лопухины⁸⁰. На северо-востоке, в Пермской и Великоустюжской провинциях, располагались вотчины Строгановых (58 тыс. душ) и Голицыных (11 тыс.). На юге – в Острогском полку – от 1 до 8 тысяч душ крестьян принадлежали Шереметевым, Тевяшовым, Воронцовым, Бутурлиным, Сафоновым, Трубецким, Юсуповым, Репниным и Ершевским.

Показатели свыше 80% отмечались у группы А в 20 провинциях. Это почти вся центральная часть Европейской России. Рост собственности крупновотчинных фамилий также наблюдался в Черноземье (в основном, в юго-западной его части) и Среднем Поволжье (Алатырская и Пензенская провинции). Напротив, судя по незначительному числу фамилий, владевших имениями в Санкт-Петербургской, Псковской и Великолуцкой провинциях, распространение землевладения на Северо-Западе, несмотря на основание новой столицы, было менее активным.

Теперь рассмотрим размещение собственности у разных слоев дворянства. Здесь возможны различные подходы к анализу. Во-первых, можно рассчитать какая доля собственности у групп (от общероссийских показателей) была сосредоточена в том или ином регионе. Однако, поскольку примерно две трети крестьян у каждой группы проживала в старозаселенных районах, значительных различий мы не увидим. Другой подход, избранный в настоящей работе, – сравнить долю крепостных, принадлежавших той или иной группе фамилий по провинциям, со среднероссийской. Напомню, что, по стране в целом, думные (I-II группы) и новые фамилии (III группа) владели равной долей крестьян – по 33%, а фамилиям, представители которых не входили в элиту (IV группа), принадлежало 34%. Учитывая примерное равенство относительных показателей, аналогичные результаты мы получим и при сопоставлении абсолютных – численности крепостного населения у каждой группы.

---

79. Шватченко, *Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века*, с. 25, 87, 97, 99, 106, 109-111, 119, 127, 148, 154, 155, 162. А.А. Давыдова, *Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI – XVII вв.*, диссертация канд. ист. наук, Нижний Новгород, 2005, с. 117-143; П.В. Чеченков, Д.А. Черненко, «Нижегородская служилая корпорация до и после Смуты: первые итоги изучения», *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета*, 2012, № 10, с. 315-317.

80. Перечисленным 15 фамилиям, суммарно в двух провинциях, принадлежало от 2 до 23,5 тыс. крестьян.

Перейдем к анализу и обратим внимание на карту 7.4, где сравниваются размеры душевладения у думных и у новых фамилий. Как видим, эволюция правящего слоя и развитие вотчинного фонда были тесно взаимосвязаны: собственность I-II групп преобладала в историческом центре страны, ряде провинций Черноземья и Среднего Поволжья, а у III группы – на окраинах Европейской России. Самые высокие показатели у новых фамилий отмечались в западных и северо-западных провинциях: Санкт-Петербургской, Псковской, Великолукской и Смоленской. Еще один такой район располагался на востоке: Пермская и Великоустюжская провинции⁸¹. Таким образом, несмотря на активную мобилизацию вотчин (за 1700-1762 гг. фамилии из I-II групп утратили около 800 тыс. душ, а из III группы – приобрели свыше 650 тыс. душ крепостных), «новичкам» удалось опередить старую элиту по размерам собственности лишь на окраинах Европейской России.

На картах 7.5-7.7 показана доля помещичьих крестьян (от их численности по провинциям), принадлежавшая той или иной группе дворянских фамилий, а на карте 7.8 представлены обобщенные данные⁸². Обратим внимание на районы, где доля собственности по группам превышала среднероссийскую.

У думных фамилий (I-II группы) это, в первую очередь, Московская, Калужская, Переяславль-Залесская, Юрьев-Польская, Суздальская, Владимирская, Ярославская, Белозерская, Нижегородская, Арзамасская и Свияжская провинции (более 40% крепостных). Из числа старых фамилий свыше 5 000 душ крестьян здесь принадлежало Шереметевым, Голицыным, Долгоруковым, Салтыковым, Лопухиным, Головкиным, Головиным, Нарышкиным, Бутурлиным, Щербатовым, Шепелевым, Черкасским, Собакиным, Хованским, Мусиным-Пушкиным, Трубецким, Татищевым, Толстым, Прозоровским, Языковым, Хитрово, Стрешневым и Апраксиным (всего 297 тыс. душ)⁸³. Владельцами более 1 000 душ крепостных в этом регионе являлись 77 фамилий из I-II групп (435 тыс. душ), 89 фамилий из III группы (227 тыс. душ) и только 47 фамилий из IV группы (70 тыс. душ). Менее значительная доля крестьян (33-40%) принадлежала фамилиям из I-II групп в Тверской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Пензенской и Алатырской провинциях. Среди регионов нового освоения особое место занимала черноземная Слободская Украина, где на территории Острогжского, Ахтырского и Харьковского полков размещались крупные вотчины Шереметевых, Голицыных, Трубецких, Бутурлиных, Репниных и Головкиных.

В отличие от старой элиты, у «новичков» (III группа) наиболее высокие показатели отмечались не в центре Европейской России, а на ее периферии.

---

81. В число этих регионов также попадает малонаселенная Уфимская провинция.

82. На карте 7.8 доля помещичьих крестьян, принадлежавших I-IV группам, обозначена на круговых диаграммах. Провинции, с показателями свыше 40%, для наглядности, выделены заливкой.

83. Для сравнения, из III группы более 5 000 душ крестьян в этом регионе принадлежало Грузинским, Демидовым, Брюсам, Воронцовым и Разумовским (суммарно 52,5 тыс. душ); столь значительной собственности у фамилий из IV группы здесь не было.

Это столичная Санкт-Петербургская провинция (64%); более 1000 душ крестьян здесь принадлежало Орловым, Разумовским, Шуваловым, Скавронским, Вульфам и Жеребцовым (15623 души). В соседней Псковской провинции (49%) имениями владели Ягужинские, Разумовские, Сумароковы, Елагины, Бороздины, Окуневы, Философовы, Щербинины, Алексеевы, Кошелевы (26793 души); на юге – в Харьковском слободском полку (44%) – Гендриковы, Хорваты, Спичинские, Дунины, Щербинины, Шидловские, Пассеки (18325 душ); на востоке – в Великоустюжской (100%) и Пермской провинциях (83%) размещались обширные вотчины Строгановых с населением почти в 60 тыс. душ⁸⁴. В центральных районах показатели были более умеренными, а самые высокие из них (33–40%) отмечались в Угличской, Московской, Тульской, Переяславль-Рязанской, Шацкой, Арзамасской, Нижегородской и Костромской провинциях. Такая же доля собственности принадлежала фамилиям из III группы в южных Севской, Елецкой и в восточных, менее населенных, Казанской и Уфимской провинциях. Обратим особое внимание на северо-западную Новгородскую провинцию. Доля крепостных во владении III группы (31%), здесь была ниже общероссийской, но ряд фамилий обладали в этом регионе значительной собственностью (1 000 и более душ). Среди них кн. Мещерские, Ушаковы, Хвостовы, Мордвиновы, Корфы, Воронцовы, Елагины, Мякинины, Пуговишниковы, Римские-Корсаковы, Евреиновы, Овцыны, де Брессан, кн. Несвицкие (19 130 душ)⁸⁵.

У IV группы, как и у новых фамилий, самые высокие показатели тоже наблюдались в периферийных районах⁸⁶. Это Новгородская, Великолукская, Смоленская, Белгородская, Воронежская, Симбирская, Казанская, Уфимская провинции, а также Ахтырский, Изюмский и Сумской слободские полки.

Таким образом, к середине XVIII столетия думные фамилии сохранили прочные позиции в Волго-Окском междуречье. Но важно и другое – старая элита, несмотря на наличие таких возможностей, проявляла очень мало интереса к приобретению вотчин в Ингерманландии⁸⁷. Раздача земель в этом регионе, в отличие от принудительного перевода царедворцев Петром I «на

---

84. Из I-II групп более 1 000 душ крестьян в Санкт-Петербургской провинции принадлежало Апраксиным, Шереметевым, Салтыковым и Мусиным-Пушкиным (5 456 душ), в Псковской – Татищевым и Лихаревым (4 335 душ), в Пермской – Голицыным (11 085 душ), в Харьковской – Голицыным, Трубецким и Головкиным (14 228 душ). В Великоустюжской провинции у представителей I-II групп вотчин не было.

85. Для сравнения, более 1 000 душ в Новгородской провинции принадлежало следующим фамилиям из I-II групп: Апраксины, Аничковы, Квашнины-Самарины, Толстые, Измайловы, Чоглоковы, кн. Долгоруковы, Мусины-Пушкины, Салтыковы (18 788 душ).

86. Исключением была лишь Галичская провинция.

87. Как указывал Ю.А. Тихонов, имения под Москвой даже в первой половине XVIII столетия сохраняли свое хозяйственное значение. Напротив, в районе новой столицы зачастую возникали не «обширные по площади поместья с господскими домами и дворами крепостных крестьян», как в Подмосковье, а «особняки, предназначенные для отдыха и дающие возможность не порывать с придворным миром» (Ю.А. Тихонов, «Дворянская сельская усадьба близ Москвы и Санкт-Петербурга в XVIII веке», *Отечественная история*, 1998, № 2, с. 47). Вместе с тем, автор не обратил внимания на

жительство» в Санкт-Петербурге, осуществлялась на «добровольных началах» – по челобитью⁸⁸. По сравнению с Черноземьем и Поволжьем, земли Ингерманландии были малопродуктивны, поэтому решающим аргументом для приобретения здесь вотчин становилась близость к столице⁸⁹. В этой связи, контраст в поведении старой и новой элиты весьма показателен. Так, за 30 лет (1732-1762 гг.) доля крепостных, принадлежавших в Ингерманландии представителям I-II групп, снизилась с 43 до 24%, а у III группы, напротив, выросла с 48 до 64%⁹⁰. Анализ порайонных данных (карта 7.9⁹¹) приводит нас к выводу, что эти различия не случайны. На Северо-Западе фамилиям из I-II групп принадлежало лишь 19% крестьян, а III группе – почти вдвое больше (37%). С другой стороны, в плодородном Черноземном центре, на Востоке и Юго-Востоке, где приобретение вотчин, как можно ожидать, обуславливалось соображениями доходности, думные и новые фамилии обладали примерно равной долей собственности (29-32%).

Особенности размещения вотчинного фонда думных фамилий, низкий интерес к приобретению имений в районе новой столицы позволяют не согласиться с утверждением Ю.В. Готье об «отчужденности между землей и

сложившуюся разницу в поведении старой и новой элиты относительно приобретения вотчин вблизи Санкт-Петербурга.

88. С.В. Черников, «Власть и собственность в России эпохи петровских реформ: земельные раздачи в Северо-Западном регионе первой четверти XVIII в.», *Актуальные проблемы истории Восточной Европы*, кн. 1, Вологда, 2009, с. 122. Изначально при разработке вопроса о раздачах в Ингерманландии власть опиралась на законодательство XVII в. о подмосковных поместьях, которое увязывало размер земельной дачи с чином служилого человека. Это было вполне логично, поскольку дьяки, при подготовке любого решения, ориентировались на прецеденты. Так, докладная выписка 27 октября 1710 г., подготовленная для Петра I, содержит извлечения из Соборного Уложения, Новоуказных статей и Писцовых наказов. В документ включены и более поздние указные статьи: о поместных дачах царю Арчилу Вахтанговичу и царевичу Александру Арчиловичу Имеретинским, царевичам Сибирским и Касимовским. Здесь же перечислены военные чины «иноземного строя» от генерала до поручика. – РГАДА, ф. 248, кн. 182, л. 870а-872об. Окончательное решение о принципах испомещения в Ингерманландии было принято указом 6 июня 1712 г. В нем Петр I отошел от прежних «чиновых» критериев, характерных для подмосковных раздач. В окрестностях новой столицы размер поместья должен был зависеть лишь от общего количества крестьянских и бобьльских дворов, которыми владел собственник по России, а земля выделялась при условии ее заселения. Интересно, что по сложившейся традиции, дворяне уже владевшие именьями «в близости» от столицы (в данном случае, «новгородцы»), не имели права на получение новых поместий. – ПСЗ, т. 4, № 2540, с. 840-841. Об аналогичных ограничениях для лиц, имевших вотчины под Москвой, при раздаче поместий по указам 1550 г. и 1587 г. см.: *Правящая элита Русского государства*, с. 208; Павлов, *Государев двор и политическая борьба*, с. 140.

89. Самыми пригодными для земледелия в этом районе являлись дерново-карбонатные почвы Ижорского плато.

90. Показатели 1732 г. рассчитаны по материалам переписи гвардии майора И.А. Шипова. – РГАДА, ф. 248, кн. 1110, л. 1865-1952. Более ранних данных по Ингерманландии нет. Первая общая ревизия на этой территории не проводилась. – Кабузан, *Народонаселение России*, с. 50, 57. См. также: Черников, «Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений», с. 143.

91. О группировке провинций по районам см. Водарский, *Население России*, с. 52.

ее владельцем»⁹². Очевидно, что старые фамилии хорошо осознавали свою связь с Московским центром. Более того, в отличие от «новичков», которые, «следуя за властью», стремились получить вотчины под Санкт-Петербургом, думные фамилии, видимо, мало нуждалась в подобном подтверждении своего высокого статуса.

* * *

Подведем основные итоги. Анализ материалов подворных и подушных переписей подтверждает распространенную точку зрения об активной мобилизации дворянских вотчин. Однако эволюция родовой собственности оказывается более сложной, нежели это до сих пор описывалось в литературе. По моим расчетам, 60% фамилий были не в состоянии сохранить свои имения и крепостных даже на протяжении двух-трех поколений. Бедность и малочисленность дворянских фамилий, как правило, сопутствовали друг другу. По всей видимости, именно сочетание этих двух факторов было главной причиной столь значительных изменений в родовом составе российских помещиков первой половины XVIII в. Развитие вотчинного фонда остальных 40% родов, владевших основной массой крестьян (87-94%), напротив, было устойчивым. Весьма важно, что подавляющее большинство из этих фамилий (80%) относилось к средним слоям дворянства, то есть стабильное развитие собственности являлось возможным даже за пределами узкого круга элиты, окружавшей трон.

Расчеты показывают, что развитие собственности российской элиты, главным образом, определялось служилой историей рода. В самом общем виде эту закономерность можно выразить так: чем раньше представителям фамилии удавалось войти в правящий слой страны, тем более устойчивым и предсказуемым становилось развитие родового землевладения. Стабильность вотчинного фонда самой «старой» части элиты во многом объяснялась и демографическими причинами: пресечение рода в этой среде было относительно редким явлением, а фамилии – весьма крупными (80% представителей – выходцы из фамилий свыше 10 человек).

Активная мобилизация собственности не нарушила исторически сложившихся региональных особенностей размещения землевладения. Ко времени III ревизии думные фамилии по-прежнему сохраняли прочные позиции в Волго-Окском междуречье. Новые фамилии, которые возвысились в XVIII в.,

---

92. Рассматривая причины активной мобилизации имений в XVII в., Ю.В. Готье писал, что дворянин, постоянно занятый на службе, «не был особенно привязан» к своей собственности и «между ними не было связи, которая заставляла человека дорожить этим клочком [земли], переходящим из поколения в поколение». – Готье, *Замосковский край*, с. 421-422. Так как петровские реформы сделали служебное бремя дворян еще более тяжелым, то тезис Готье, вероятно, может быть распространен и на первую половину XVIII в.

смогли опередить старую элиту по размерам вотчинного фонда лишь на периферии Европейской России. Если дополнительно принять во внимание, что первая половина XVIII в. была временем масштабных перемен в жизни страны – петровских реформ, роста социальной мобильности (в том числе, в составе элиты), ликвидации поместных раздач как средства поддержки дворянства со стороны власти, – то уровень стабильности родовой собственности, в целом, можно расценивать как очень высокий.

Вместе с тем, проведенный анализ позволяет не согласиться с утверждением Я.Е. Водарского, что «преобразования Петра I и политика его преемников не изменили существенно структуру помещичьего землевладения»⁹³. Этот вывод был сделан автором на основе данных о количестве и населенности крупных, средних и мелких имений в 1700-1737 гг. Мои расчеты, с учетом родовой принадлежности вотчин, показывают иное. В изучаемый период шло перераспределение собственности от старых к новым фамилиям. В 1700-1762 гг. численность крестьян выросла у всех слоев дворянства, но в различной мере: у думных фамилий – в 1,3 раза, у родов, представители которых вошли в правящий слой лишь в XVIII в., – в 3,5 раза, у остального дворянства – в 2,2 раза (при естественном приросте среди помещичьих крестьян в 2 раза). За то же время, доля крепостных, принадлежавших думным фамилиям снизилась с 50 до 33%, а у новых, напротив, увеличилась – с 18 до 33%.

Представленные в статье данные также важны для оценки взаимоотношений правящего слоя и монарха. Во многих работах, рассматривавших Россию как «деспотическое» или «патримониальное» государство, акцент делался на «репрессивных» механизмах контроля самодержавия над элитой⁹⁴. В частности, по мнению Е.В. Анисимова, российская власть XVIII в. обладала «правом править без права», а «специфика собственности» заключалась в том, что «все принадлежит государю, дается им и отнимается им же»⁹⁵. На мой взгляд, практическая деятельность самодержавной власти не дает оснований для таких выводов. Конфискация вотчин не являлась произвольной, а использовалась как санкция в делах по государственным преступлениям, казнокрадству, расколу и уклонению от службы (последнее, главным образом,

---

93. Водарский, *Население России*, с. 78.

94. K. Wittfogel, *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*, New Haven – London, 1957; R. Pipes, *Russia Under the Old Regime*, N.Y., 1974; В.Б. Кобрин, А.Л. Юрганов, «Становление деспотического самодержавия в Средневековой Руси (к постановке проблемы)», *История СССР*, 1991, № 4, с. 54-64; R. Hellie, «The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model», *Russian History*, 4 (1), 1977, p. 1-22; Он же, «Why Did The Muscovite Elite Not Rebel?», p. 155-162; Он же, «Thoughts on the Absence», p. 5-20; M. Poe, *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748*, Cornell University Press, 2000; Он же, «The Truth about Muscovy», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3 (3), 2002, p. 473-486.

95. Е.В. Анисимов, «Самодержавие XVIII века: право править без права», *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, bd. 58, Wiesbaden, 2001, s. 53-61; Он же, *Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке*, М., 1999, с. 661.

при Петре I)⁹⁶. Кроме того, как показал анализ, роль конфискации и пожалований была незначительной, а перераспределение вотчинного фонда, в основном, осуществлялось частноправовыми методами (купля-продажа, заклад). Вероятно, причастность к власти позволяла «новичкам» аккумулировать значительные средства, которые затем шли на покупку вотчин. Таким образом, «мягкие» формы контроля элиты были весьма эффективны. Корона даже не нуждалась в чрезвычайных средствах перераспределения собственности – ее родовая структура изменялась естественным образом, вслед за составом правящего слоя.

Lipetsk State Technical University

zserg72@gmail.com

---

96. О причинах конфискации вотчин см.: Индова, «К вопросу о дворянской собственности», с. 285-289; *Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.*, сост. К.В. Сивков, М., 1951, с. 372-380.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Оценка репрезентативности и сопоставимости данных

1.1. Данные III ревизии

Обработаны сведения по 11 губерниям, 41 провинции, 175 уездам. Учтены вотчины с населенностью более 3,4 млн душ м.п. (76% крепостных, проживавших в Европейской России).

Распределение данных по провинциям (доля учтенных помещичьих крестьян):

90-100% крепостных – 29 провинций: Алатырская, Арзамасская, Великолукская, Великоустюжская, Владимирская, Воронежская, Казанская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Острогожская, Пензенская, Переяславль-Залесская, Переяславль-Рязанская, Пермская, Псковская, Санкт-Петербургская, Свияжская, Севская, Симбирская, Суздальская, Сумская, Тамбовская, Тульская, Угличская, Харьковская, Шацкая, Юрьев-Польская, Ярославская;

70-89% – 5 провинций: Ахтырская, Белгородская, Елецкая, Новгородская, Тверская;

50-69% – 4 провинции: Галичская, Орловская, Смоленская, Уфимская;

менее 50% – 3 провинции: Московская (27%), Белозерская (19%), Изюмская (38%);

нет сведений – 3 провинции: Вологодская (по III ревизии – 73 800 душ), Оренбургская (1 584 души), Бахмутская (59 душ).

На территории трех провинций (Архангелогородской, Астраханской, Вятской), по данным III ревизии, помещичьих крестьян не было.

Наиболее существенной проблемой является неполнота сведений по Московской провинции. Однако, как показал анализ (приложение 1.3), выборка по этому региону является репрезентативной.

1.2. Сопоставимость данных 1700 г. и III ревизии

В Алфавитах к сказкам Генерального двора 1699-1700 гг. почти полностью отсутствуют сведения по 20 уездам (Псковский, Пусторжевский, Юрьевецкий, Смоленский, Дорогобужский, Бельский, Рославльский, Казанский, Кокшайский, Курмышский, Пензенский, Самарский, Саранский, Свияжский, Симбирский, Темниковский, Уржумский, Чебоксарский, Ядринский, Яранский). Перепись 1678 г. учла в этих уездах 28 446 крестьянских дворов⁹⁷.

---

97. Водарский, *Население России*, с. 36; *Дворянство России и его крепостные крестьяне*, с. 96-103. Отсутствие данных по Новгородскому уезду восполняется сведениями 1678 г.,

Также нет данных о черкасах, проживавших на землях помещиков-малороссиян в Слободской Украине (землевладение русских дворян на этой территории в конце XVII в. было незначительным⁹⁸). Исключим из данных III ревизии сведения по перечисленным уездам, украинским помещикам, а также Ингерманландии, не входившей в конце XVII столетия в состав России (суммарно 630 тыс. душ), и сравним результаты расчетов с теми итогами, которые были получены на основе «полных сведений». Распределение крепостного населения по группам владельцев, в целом по стране, меняется лишь на 0,7-3,3%, а коэффициенты корреляции – не более, чем на 0,04. Таким образом, выявленные в статье тенденции развития родовой дворянской собственности, носят устойчивый характер, а отсутствие данных по ряду уездов существенно не отражается на итогах расчетов.

1.3. Данные III ревизии по Московской провинции

Прокурорские ведомости по этой провинции обнаружены не были. Ревизские сказки по Московскому уезду, отложившиеся в РГАДА (фонд 350), учитывают лишь 43% помещичьих крестьян – 34 808 из 81 777 душ. Сказки по остальным уездам Московской провинции сохранились еще хуже, поэтому по этим уездам использовались ведомости 1765 г. «О количестве мужских душ в вотчинах»⁹⁹. Они были составлены по распоряжению московского губернатора И.И. Юшкова, в связи намечавшейся административной реформой – «новой росписи вотчин и деревень к городам». По указам от 24 апреля и 11 октября 1764 г., населенные пункты уездов, в которых по III ревизии было не более 10 тысяч душ, предполагалось «расписать» по другим уездам, чтобы «вновь учрежденная воеводская канцелярия была в середине всего соединенного уезда, а таковые б уезды по соединении не превосходили 30 тысяч душ»¹⁰⁰. В общей сложности, в таких «пограничных» селениях 12 уездов Московской провинции проживало 65 688 душ¹⁰¹. Таким образом, в целом по Московской провинции, есть данные по 1 480 вотчинам с населением 100 496 душ (27% помещичьих крестьян).

Является ли эта выборка репрезентативной – отражает ли она реальное распределение крепостных между расчетными группами владельцев?

опубликованными А.Я. Дегтяревым – Дегтярев, «Русское феодальное землевладение», с. 268-272.

98. Водарский, *Население России*, с. 95.

99. РГАДА, ф. 400, оп. 4, кн. 2171.

100. Ibid., л. 1-4 об. См. также: Готье, *История областного управления*, т. 1, с. 115-116.

101. В выборку попали вотчины из Боровского, Вереяского, Дмитровского, Звенигородского, Каширского, Клинского, Коломенского, Малоярославецкого, Можайского, Оболенского, Рузского и Тарусского уездов. По Волоколамскому и Серпуховскому уездам данных нет.

Сравним долю собственности, принадлежавшей представителям думных фамилий по I и III ревизиям (данные I ревизии являются полными¹⁰²).

	I ревизия	III ревизия
Московская провинция, в целом	52%	44%
Московский уезд	66%	56%

С учетом общероссийской тенденции к снижению доли собственности у думных фамилий (таблица 3), показатели III ревизии, полученные на основе выборки, выглядят вполне достоверно. Также подчеркну, что рост или снижение доли крестьян во владении той или иной группы дворян по Московской провинции на 1% (3 698 душ) может изменить показатели по Европейской России лишь на 0,08%¹⁰³.

1.4. Включение однофамильцев в число «родственников». Характер зависимости между количеством владельцев имений и размерами родовой собственности

Очевидно, что выявление родственных связей у всех представителей российского дворянства, даже по мужской линии, невозможно. Поэтому в статье используется весьма распространенный в литературе компромиссный подход: лица, носившие одинаковые фамилии, учитывались как представители одного рода. Есть вероятность, что в число «родственников» попали и однофамильцы¹⁰⁴. Как это могло повлиять на результаты расчетов?

В статье основным показателем для анализа является общая численность крепостных крестьян, принадлежавших каждому дворянскому роду и группам фамилий. По моей оценке, существенное искажение структуры родовой собственности маловероятно. С одной стороны, мелкие имения не оказывают значительного влияния на итоги (независимо от наличия или отсутствия родства), с другой стороны, обладание крупными вотчинами не являлось случайным и речь может идти только о представителях известных дворянских фамилий.

102. Расчет по ведомостям рекрутского набора 1737-38 гг. – РГАДА, ф. 248, кн. 1161, л. 4-590.

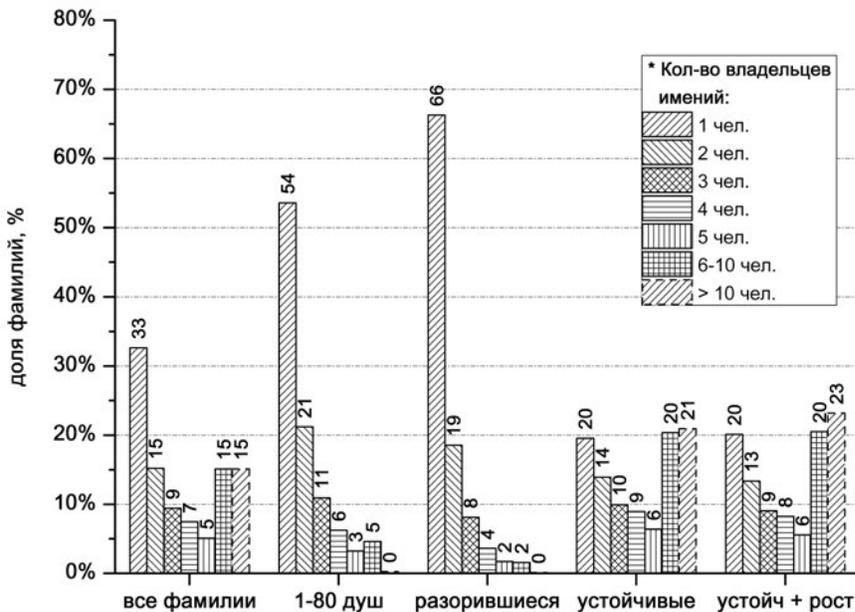
103. По III ревизии в Европейской России (на изучаемой территории) проживало 4 548 677 душ помещичьих крестьян (см. сноску 39), а в Московской провинции – 369 839 душ (*Переписи населения России*, вып. III, с. 21).

104. На такую возможность, в частности, указывал Р. Крамми, анализируя работу Я.Е. Водарского о дворовладении думных людей XVII в. Вместе с тем, Р. Крамми признал выводы автора, сделанные на основе количественного анализа, обоснованными и «вполне резонными» («eminently reasonable»). См.: R. Crummey, «The Origins of the Noble Official: The Boyar Elite, 1613-1689», in McKenzie Pintner and Rowney, eds, *Russian officialdom*, Chapel Hill, 1980, p. 49-50; Водарский, «Правящая группа», с. 70-107.

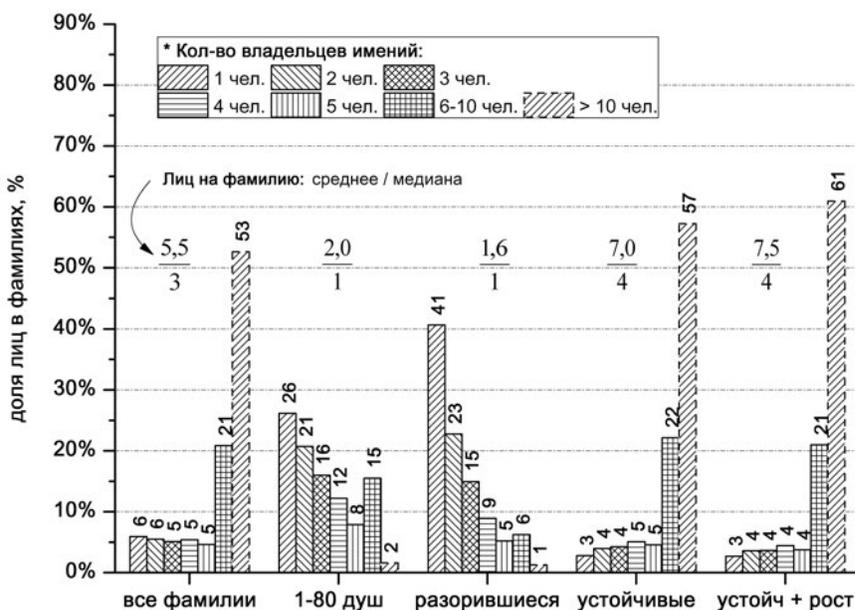
Как соотносились между собой количество представителей дворянской фамилии, которые владели имениями, и общие размеры родовой собственности? Ответить на этот вопрос можно опираясь на данные 1700 г. По группе самых богатых родов (более 500 дворов) такой взаимосвязи нет – коэффициент корреляции оказывается незначимым ($\rho = 0,15$; $p\text{-value} > 0,05$). Причина этого очевидна: обладание крупной собственностью являлось следствием близости к власти, выгодного брака, ряда иных причин, но никак не многочисленности рода. Среди владельцев 100-500 дворов зависимость очень слабая ($\rho = 0,23$), и лишь у фамилий, которые имели менее 100 дворов, коэффициент поднимается выше среднего ($\rho = 0,64$). Из 2 331 фамилии, которая вошла в последнюю группу, 939 родов (40%) состояли лишь из одного представителя, а 206 фамилий (9%) владели только одним двором. По медианным показателям на каждый род (из 2331) приходилось по 2 человека и 11 дворов. То есть, в этой группе (менее 100 дворов) взаимосвязь носит устойчивый характер только из-за относительно равномерного распределения мелкой собственности между владельцами, иными словами, по причине бедности или низкого достатка большинства дворян. Поскольку «средняя фамилия» в этой группе состояла лишь из двух человек, то включение однофамильцев в число родственников не может существенно исказить структуру родовой собственности. Ко времени III ревизии численность дворянского рода скорее всего выросла, но, как было показано выше, устойчивая взаимосвязь этого показателя и размеров собственности проявляется лишь у наименее состоятельной части дворян. Следовательно, мы приходим к тому же выводу – итоги расчетов по родовой структуре вотчинного фонда (даже при наличии однофамильцев) существенно не изменятся.

2. Состав дворянских фамилий в 1700 г. (по данным о владельцах населенных имений)

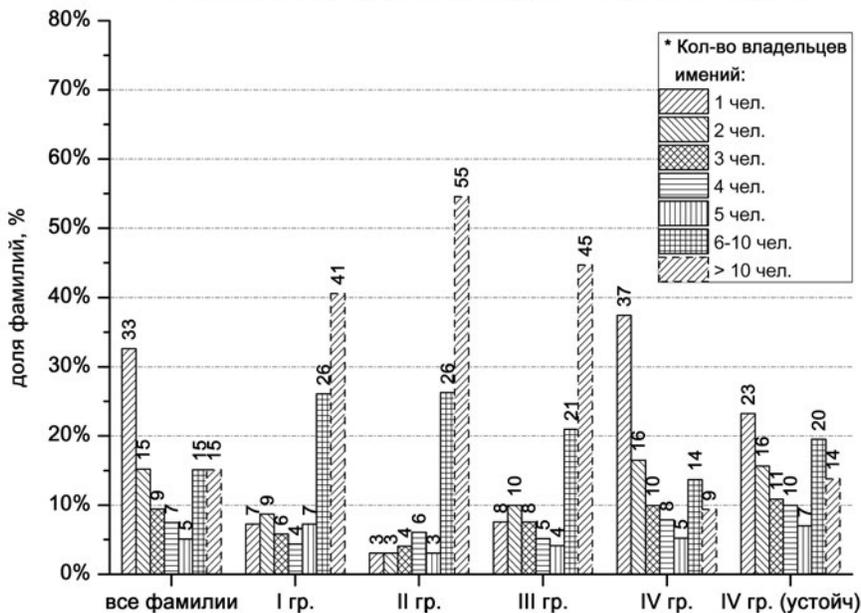
2.1. Доля фамилий, состоявших из ...* представителей, %

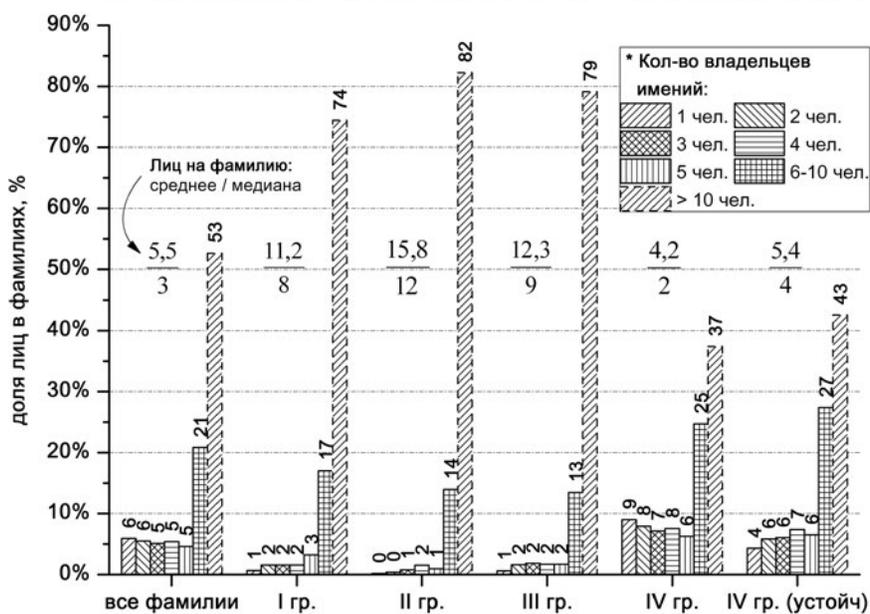
2.2. Доля лиц в фамилиях, состоявших из ...* представителей, %

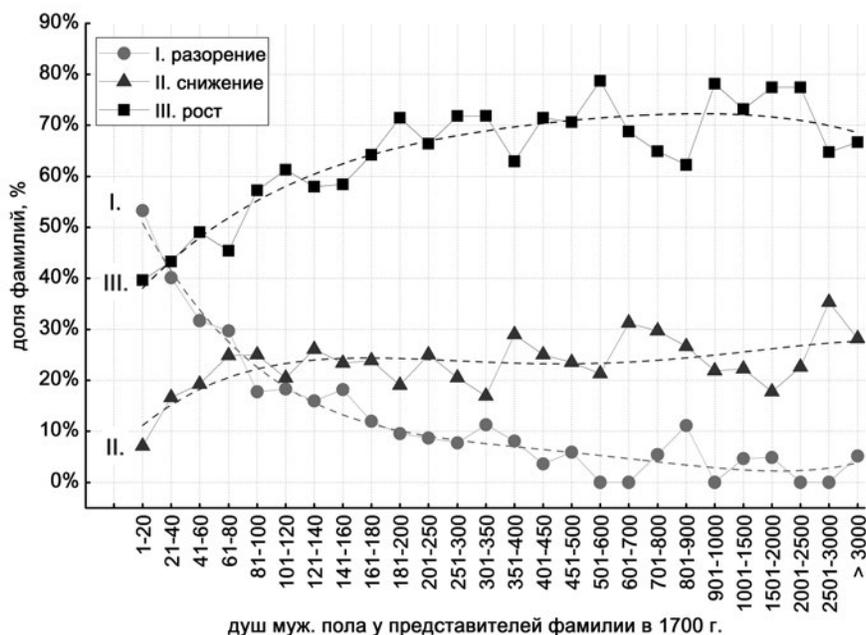
2.3. Доля фамилий, состоявших из ...* представителей, %

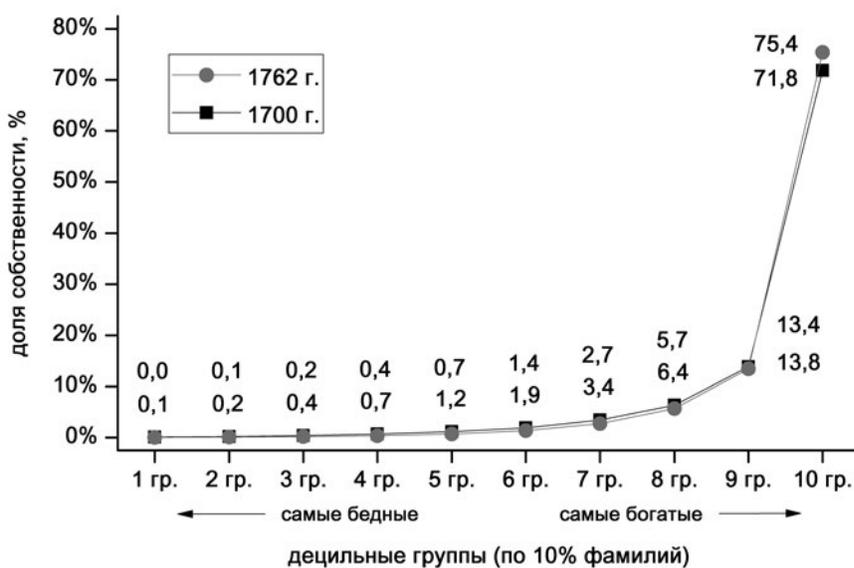
2.4. Доля лиц в фамилиях, состоявших из ...* представителей, %

3. Динамика родового душевладения в 1700-1762 гг. (фамилии, существовавшие в 1700 г.)

4. Уровень имущественного неравенства в 1700-1762 гг. (распределение собственности по децильным группам)

5. Перечни фамилий – крупнейших собственников в 1700-1762 гг.

Римскими цифрами (I-IV) после фамилии, обозначен период, когда первому представителю рода удалось войти в состав правящего слоя: I группа – в 1613-1645 гг. или до 1613 г. (из числа фамилий, которые продолжали жаловаться думными чинами при Романовых), II группа – 1645-1689 гг. (до начала правления Петра I – 7 сентября 1789 г.), III группа – 1700-1762 гг., IV группа – представители фамилии не входили в элиту.

Подробнее см.: сноску 25.

1700 г.

Фамилия, группа – крестьянских дворов¹ (душ мужского пола²)

¹ количество дворов округлено до целого числа

² из расчета 3,7 души м.п. на один двор

1. Черкасские, кн., I – 12 382 (45 813)
2. Нарышкины, II – 11 113 (41 118)
3. Салтыковы, I – 7 862 (29 089)
4. Голицыны, кн., I – 7 861 (29 084)
5. Долгоруковы, кн., I – 7 570 (28 008)
6. Одоевские, кн., I – 5 319 (19 680)
7. Головины, I – 4 747 (17 564)
8. Шереметевы, I – 4 444 (16 441)
9. Прозоровские, кн., I – 3 953 (14 626)
10. Куракины, кн., I – 3 824 (14 149)
11. Бутурлины, I – 3 662 (13 549)
12. Лопухины, II – 3 334 (12 334)
13. Ромодановские, кн., I – 3 142 (11 624)
14. Стрешневы, I – 3 080 (11 394)
15. Волконские, кн., I – 3 067 (11 346)
16. Строгановы, III – 2 990 (11 063)
17. Урусовы, кн., II * – 2 808 (10 388)
18. Щербатовы, кн., I – 2 732 (10 108)
19. Плещеевы, I – 2 378 (8 797)
20. Хованские, кн., I – 2 214 (8 192)
21. Репнины, кн., I – 2 162 (7 999)
22. Хитрово, II – 2 146 (7 940)
23. Львовы, кн., I – 2 144 (7 933)
24. Барятинские, кн., II – 2 108 (7 799)
25. Милославские, II – 2 054 (7 598)
26. Вольнские, I – 2 054 (7 598)

27. Троскуровы, кн., I – 2 003 (7 411)
28. Собакины, I – 1 980 (7 326)
29. Леонтьевы, II – 1 917 (7 091)
30. Хилковы, кн., I – 1 625 (6 013)
31. Колычевы, I – 1 522 (5 630)
32. Шаховские, кн., II – 1 390 (5 144)
33. Козловские, кн., II – 1 372 (5 075)
34. Лобановы-Ростовские, кн., I – 1 367 (5 058)
35. Пушкины, I – 1 360 (5 031)
36. Апраксины, II – 1 347 (4 982)
37. Воейковы, III – 1 342 (4 964)
38. Давыдовы, III – 1 341 (4 961)
39. Языковы, II – 1 322 (4 893)
40. Наумовы, III – 1 306 (4 830)
41. Юшковы, II – 1 301 (4 812)
42. Матюшкины, II – 1 294 (4 788)
43. Ржевские, I – 1 291 (4 777)
44. Мусины-Пушкины, II – 1 238 (4 582)
45. Зиновьевы, III – 1 206 (4 463)
46. Змеевы, II – 1 182 (4 375)
47. Хрущовы, II – 1 146 (4 240)
48. Мещерские, кн., III – 1 136 (4 202)
49. Трубецкие, кн., I – 1 132 (4 188)
50. Вердеревские, IV – 1 099 (4 064)
51. Савеловы, II – 1 095 (4 050)
52. Лодыженские, II – 1 082 (4 004)
53. Загряжские, III – 1 071 (3 963)
54. Лихаревы, II – 1 058 (3 914)
55. Кольцовы-Мосальские, кн., I ** – 1 042 (3 855)
56. Дашковы, II – 1 020 (3 774)
57. Измайловы, I – 1 001 (3 704)
58. Матвеевы, II – 991 (3 667)
59. Глебовы, II – 989 (3 658)
60. Волковы, III – 981 (3 631)
61. Сытины, III – 968 (3 580)
62. Безобразовы, III – 967 (3 578)
63. Зыковы, II – 953 (3 526)
64. Татищевы, I – 952 (3 523)
65. Беклемишевы, III – 949 (3 509)
66. Павловы, II – 948 (3 508)
67. Бестужевы и Бестужевы-Рюмины, III – 936 (3 462)
68. Юсуповы, кн., III – 914 (3 382)
69. Вельяминовы-Зерновы, I – 911 (3 371)
70. Чириковы, II – 902 (3 338)
71. Ртищевы, II – 902 (3 337)
72. Коробьины, I – 890 (3 293)

73. Толстые, II – 871 (3 221)
74. Пожарские, кн., I – 850 (3 145)
75. Дубровские, I – 834 (3 084)
76. Еропкины, II – 831 (3 075)
77. Толочановы, II – 819 (3 030)
78. Протасьевы, III – 815 (3 014)
79. Кафтыревы, IV – 800 (2 958)
80. Аничковы, II – 792 (2 930)
81. Гагарины, кн., III – 791 (2 927)
82. Челищевы, IV – 788 (2 916)
83. Лодыгины, III – 787 (2 911)
84. Вяземские, кн., III – 772 (2 855)
85. Ушаковы, III – 766 (2 834)
86. Колтовские, I – 754 (2 788)
87. Лихачевы, I – 752 (2 781)
88. Протопоповы, IV – 742 (2 745)
89. Засецкие, III – 737 (2 727)
90. Кологривовы, IV – 730 (2 699)
91. Квашнины, IV – 700 (2 590)
92. Нарбековы, II – 698 (2 583)
93. Полтевы, II – 698 (2 581)
94. Бахметевы, III – 689 (2 547)
95. Арсеньевы, III – 685 (2 533)
96. Дохтуровы, II – 671 (2 483)
97. Апухтины, III – 668 (2 472)
98. Нелединские-Мелецкие, III – 666 (2 464)
99. Прончищевы, II – 660 (2 442)
100. Ларионовы, II – 659 (2 436)

* В справочнике М. По (М. Poe, *The Russian Elite in the Seventeenth Century*, vol. 2, p. 198) ошибочно указано, что кн. Урусовы жаловались думными чинами до 1613 г. Но первым представителем фамилии, имевшим думный чин, был С.А. Урусов: боярин (1655 г.), до этого кравчий.

** В Думу попали представители старшей ветви кн. Мосальских – Литвиновы.

III ревизия

Фамилия, группа – душ мужского пола

1. Голицыны, кн., I – 107 915
2. Шереметевы, I – 88 485
3. Строгановы, III – 65 014
4. Долгоруковы, кн., I – 50 681
5. Салтыковы, I – 48 611
6. Нарышкины, II – 40 538
7. Лопухины, II – 29 390
8. Головины, I – 27 992

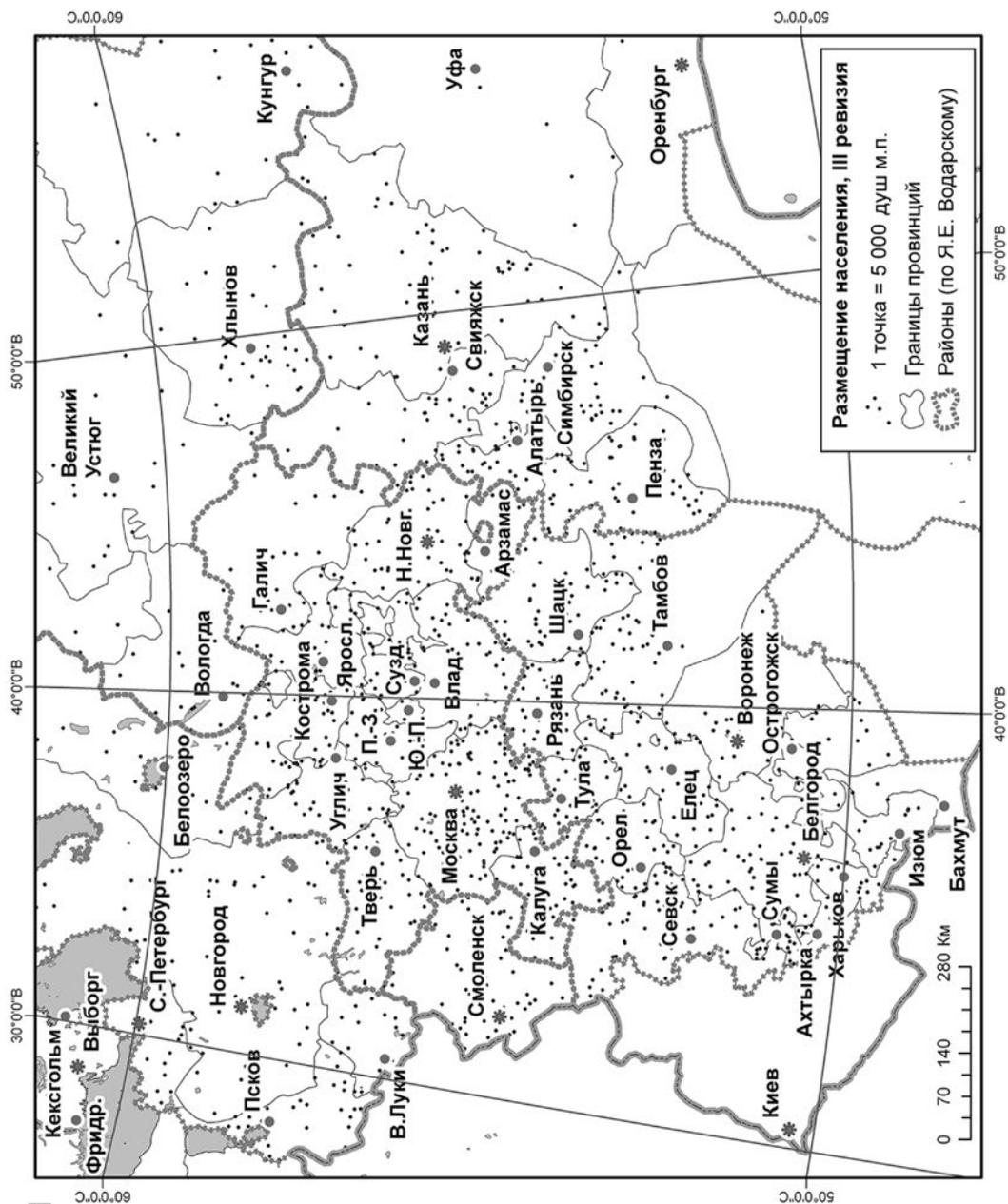
9. Разумовские, III – 26 568
10. Головкины, II – 24 241
11. Грузинские, кн., III – 24 130
12. Апраксины, II – 24 013
13. Трубецкие, кн., I – 22 837
14. Воронцовы, III – 21 327
15. Бутурлины, I – 20 597
16. Голштейнбек, фон, III – 20 386
17. Хитрово, II – 17 538
18. Демидовы, III – 17 508
19. Мусины-Пушкины, II – 17 337
20. Наумовы, III – 16 776
21. Шепелевы, II – 16 732
22. Волконские, кн., I – 16 195
23. Татищевы, I – 15 997
24. Толстые, II – 15 723
25. Мещерские, кн., III – 15 641
26. Шаховские, кн., II – 14 686
27. Сафоновы, III – 14 481
28. Щербатовы, кн., I – 14 220
29. Измайловы, I – 13 962
30. Гагарины, кн., III – 13 625
31. Орловы, III – 13 589
32. Лихаревы, II – 12 707
33. Чернышевы, III – 12 525
34. Кондратьевы (Слоб. Укр.), IV – 12 517
35. Кантемиры, кн., III – 12 387
36. Черкасские, кн., I – 12 378
37. Шуваловы, III – 12 278
38. Бахметевы, III – 12 077
39. Хованские, кн., I – 11 333
40. Одоевские, кн., I – 11 289
41. Репнины, кн., I – 11 274
42. Масловы, III – 11 244
43. Гендриковы, III – 11 143
44. Языковы, II – 10 902
45. Брюсы, III – 10 828
46. Павловы, II – 10 675
47. Юсуповы, кн., III – 10 640
48. Собакины, I – 10 487
49. Сумароковы, III – 10 375
50. Ушаковы, III – 10 231
51. Лодыженские, II – 10 218
52. Матюшкины, II – 10 193
53. Челищевы, IV – 10 093
54. Давыдовы, III – 9 851

55. Ягужинские, III – 9 649
56. Куракины, кн., I – 9 395
57. Зиновьевы, III – 9 280
58. Соковнины, II – 9 105
59. Хрущовы, II – 9 046
60. Скавронские, III – 9 008
61. Козловские, кн., II – 8 967
62. Барятинские, кн., II – 8 874
63. Римские-Корсаковы, III – 8 776
64. Леонтьевы, II – 8 694
65. Колычевы, I – 8 432
66. Неплюевы, II – 8 365
67. Алсуфьевы, III – 8 348
68. Восейковы, III – 8 274
69. Тевяшовы, IV – 8 250
70. Левашевы, III – 8 047
71. Прозоровские, кн., I – 8 031
72. Загряжские, III – 8 016
73. Матвеевы, II – 7 980
74. Бибиковы, III – 7 969
75. Арсеньевы, III – 7 962
76. Безобразовы, III – 7 868
77. Богдановы, II – 7 863
78. Бестужевы и Бестужевы-Рюмины, III – 7 415
79. Кошелевы, III – 7 409
80. Титовы, II – 7391
81. Юшковы, II – 7375
82. Глебовы, II – 7361
83. Игнатьевы, III – 7 346
84. Ржевские, I – 7 311
85. Гурьевы, III – 7 238
86. Лавровы, IV – 7 019
87. Стрешневы, I – 6 883
88. Потемкины, II – 6 863
89. Румянцевы, III – 6 784
90. Шеншины, IV – 6 717
91. Панины, II – 6 702
92. Вяземские, кн., III – 6 656
93. Козловы, III – 6 583
94. Новосильцевы, III – 6 508
95. Друцкие-Соколинские, кн., III – 6 505
96. Урусовы, кн., II – 6 450
97. Еропкины, II – 6 443
98. Сабуровы, IV – 6 236
99. Чириковы, II – 6 201
100. Елагины, III – 6 185

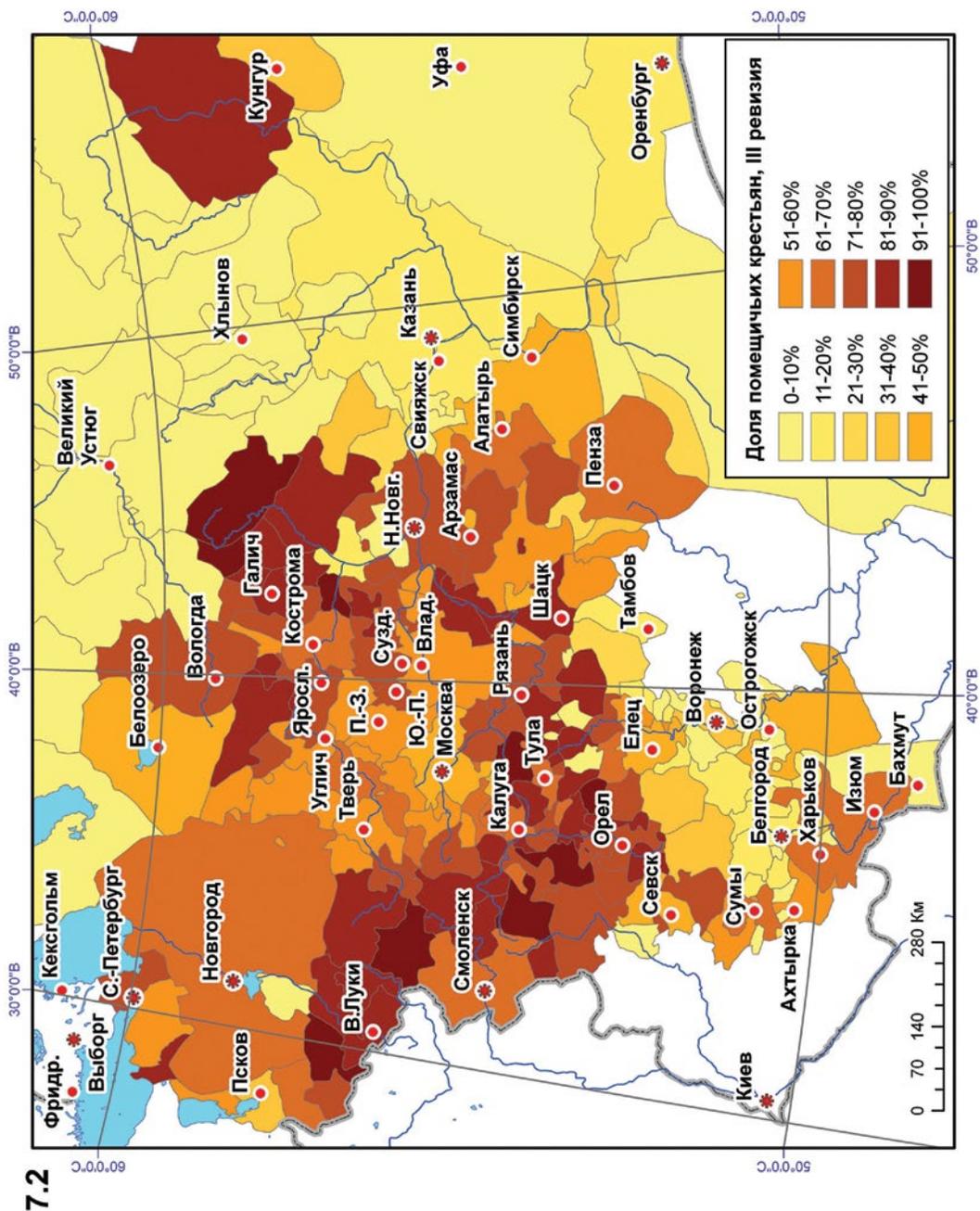
**6. Распределение собственности
дворянских фамилий по уездам, III ревизия**

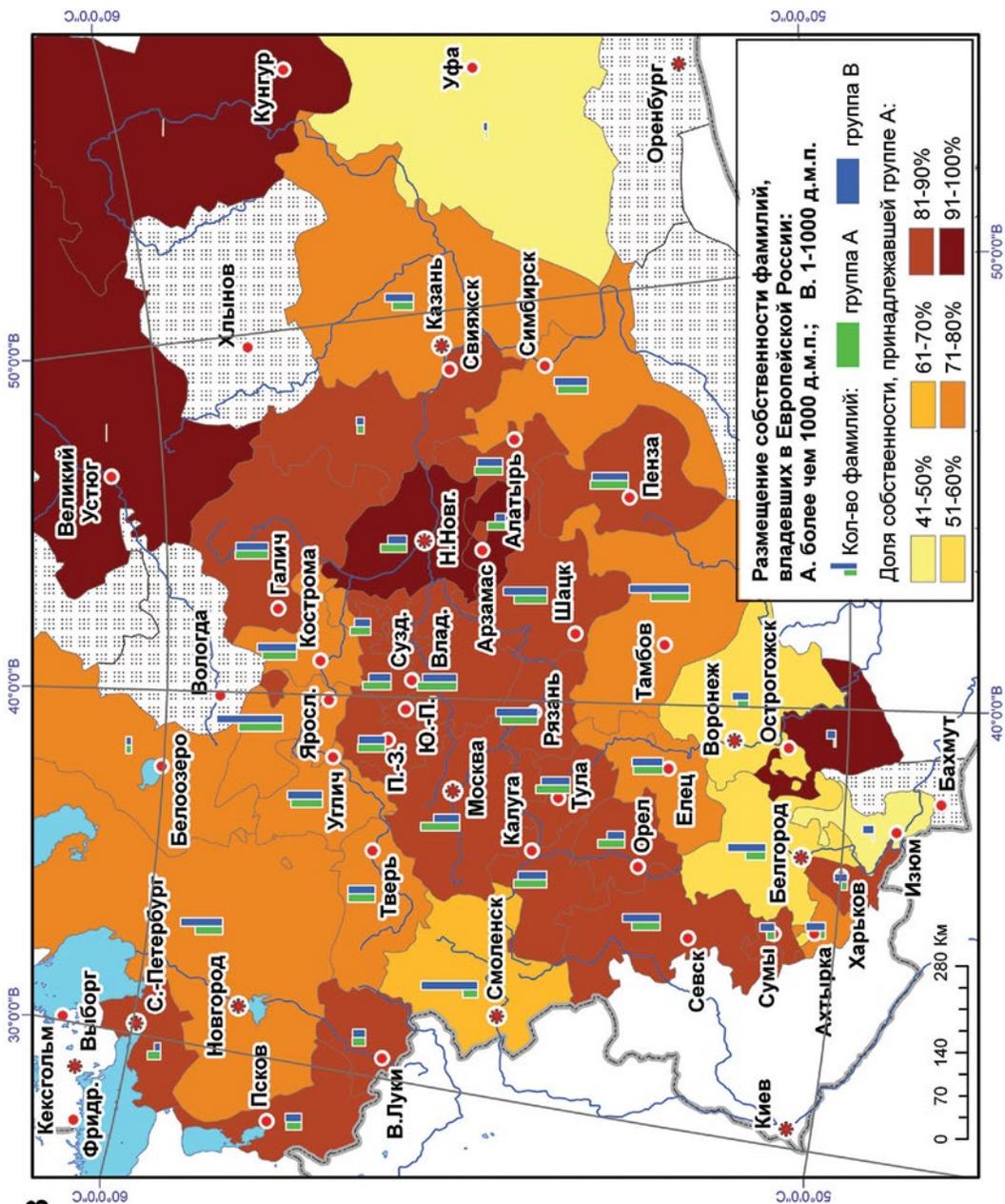
Кол-во уездов	кол-во фамилий		у них крепостных	
	абс.	%	абс.	%
более 60	2	0,0	117 766	3,4
51-60	16	0,3	306 293	8,8
41-50	20	0,4	299 309	8,6
31-40	55	1,2	388 880	11,2
21-30	149	3,2	593 493	17,1
16-20	130	2,8	417 124	12,0
11-15	248	5,2	431 708	12,5
8-10	260	5,5	258 747	7,5
6-7	260	5,5	168 882	4,9
5	203	4,3	108 143	3,1
4	268	5,7	85 500	2,5
3	370	7,8	98 416	2,8
2	687	14,5	94 015	2,7
1	2 059	43,6	95 291	2,8
всего	4 727	100	3 463 567	100

7. Размещение населения и дворянской собственности по III ревизии

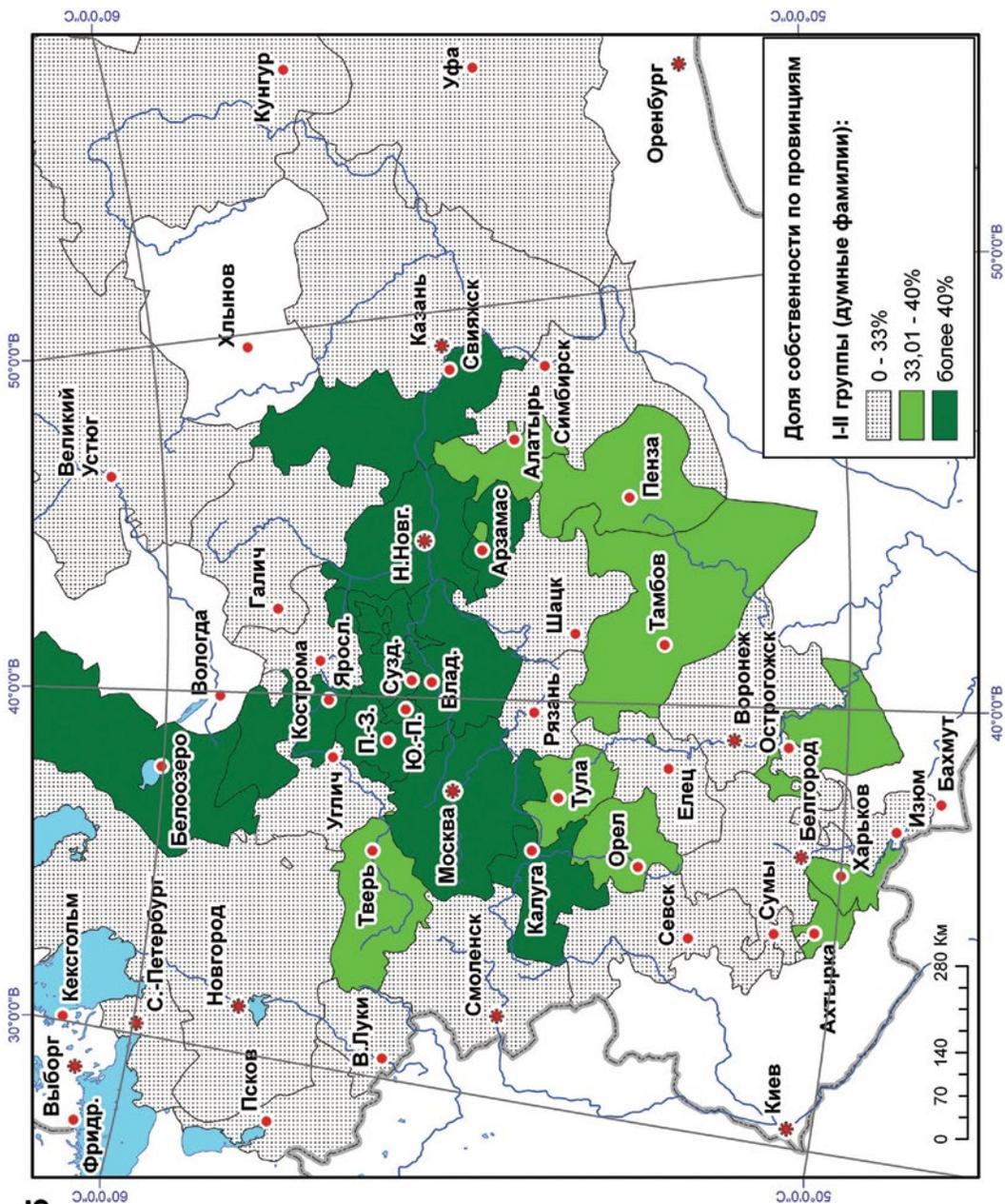
7.1

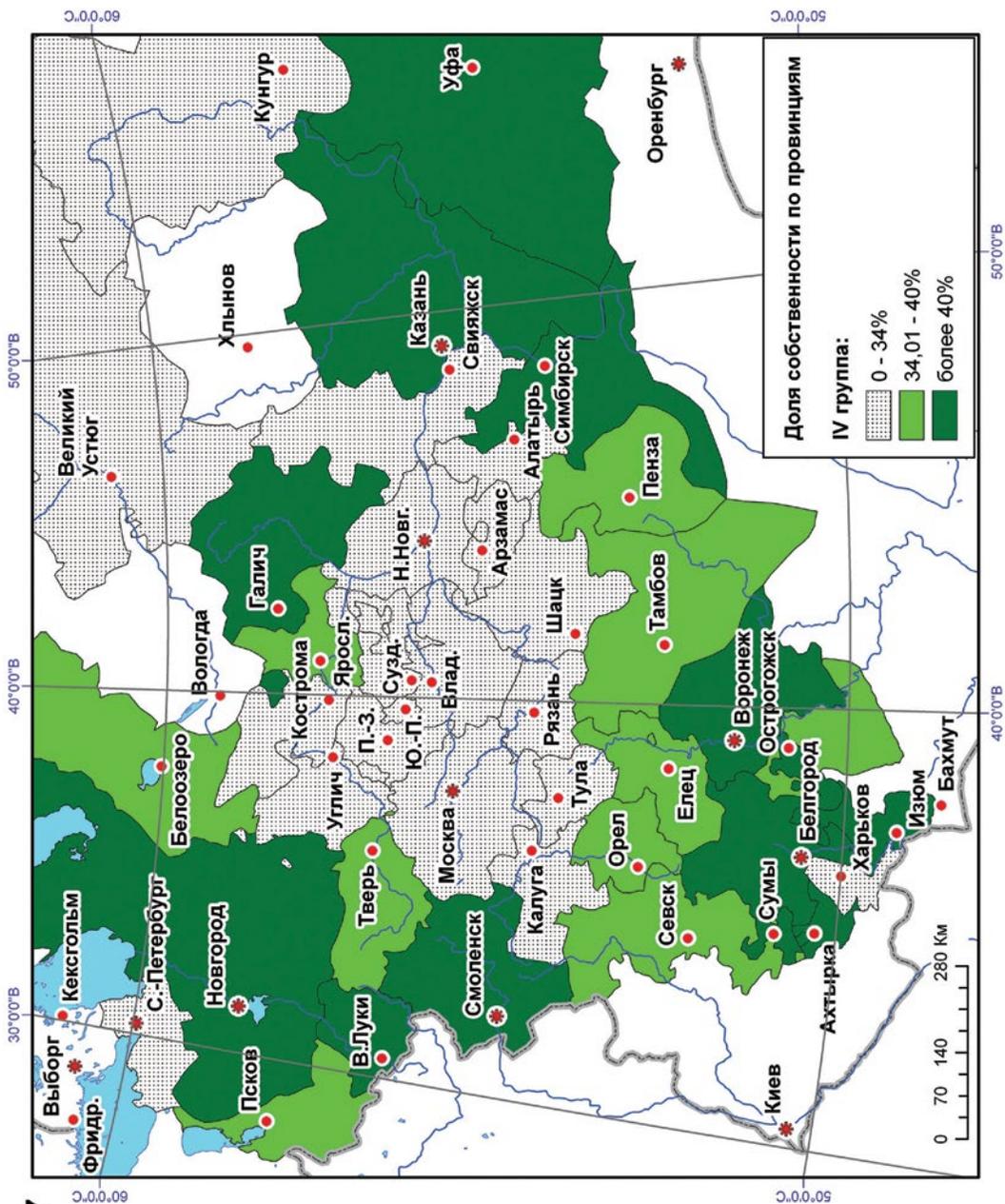
7.3

7.5

7.7

